

Пара Читай

РАЗВОД

на троих

Лара Читай

Развод на троих

<https://litres.ru/74262508>

Аннотация

— Вон! — закричала свекровь, тряся пальцем в мою сторону.
— Немедленно вон из моего дома! Я не позволю какой-то выскочке рушить планы моего сына!

— Пока я воровала время у своей несчастной жизни, чтобы заработать копейки, ваш Сашенька тратил вечер на улыбки другой женщине. Прямо на моих глазах.

— Мамочка, успокойся.

— Молчи! Из-за тебя же всё! Привёл в дом змею на шее! Ты что это позволяешь себе? — Твоё будущее — это Сашенька и семья, которую вы должны создать! А ты вместо того чтобы детей рожать и мужа поддерживать, по каким-то «встречам» шляешься! Кто будет борщ варить, а? Кто порядок в доме поддерживать?

Они думали, что, вышвырнув меня, они победят. Они не понимали, что выпустили джинна из бутылки. Тихая, покорная Татьяна осталась в той квартире, вместе с запахом старого борща и банками солёных огурцов. Отсюда, из этой тихой комнаты, я буду вести свою войну. И у меня уже был план следующего манёвра.

Содержание

Глава 1. Я варю борщ	4
Глава 2. Я играю в прятки с самой собой	11
Глава 3. Я изучаю правила чужой игры	20
Глава 4. Я примеряю новую кожу	30
Глава 5 Я сталкиваюсь лицом к лицу с призраком	38
Глава 6. Я рою туннель в стене молчания	46
Глава 7. Я ставлю эксперимент на его лжи	55
Глава 8. Я наступаю на мины и обезвреживаю их	65
Глава 9. Я растворяюсь в пламени, которое не обжигает	74
Глава 10. Я меняю мишень	82
Глава 11. Я становлюсь непогрешимой стеной	91
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Глава 1. Я варю борщ

Аромат тмина и чеснока висит в тесной кухне густым, почти осязаемым облаком. Я помешиваю борщ, наблюдая, как розоватая пена уступает место темно-рубиновому бульону. Через окно падает последнее мартовское солнце, золотя крошки на столешнице и треснувшую плитку фартука. Пять лет в этой квартире. Пять лет у этой плиты.

«Не пересоли», — звучит у меня в голове голос Людмилы Петровны, хотя её нет здесь уже три часа. Я машинально пробую ложкой. В норме. Всегда в норме. Но её одобрения я всё равно не дождусь.

Ключ щелкает в замке, и мое тело напрягается само по себе, как у собаки Павлова. Не от радости. От готовности.

— Тань, я дома! — раздаётся голос Саши. Немного гнусавый, усталый. Шуршание куртки, стук ботинок о мебельный щит прихожей, который мы купили в «Икее» в первую же совместную зарплату.

— На кухне! — отвечаю я, и голос звучит ровно, тепло, привычно.

Он появляется в проеме, высокий, чуть сутулый, с красивыми, но какими-то невыразительными чертами лица. Целует меня в щеку, пахнет офисом, дешевым кофе и чужим парфюмом. Не моим.

— Пахнет бомба, — говорит он, заглядывая в кастрюлю.

Но глаза его скользят мимо, к экрану телефона, который уже вибрирует в его руке.

— Мама скоро будет, — сообщаю я, снимая пену. — Говорила, заедет с соленьями.

Его лицо освещается мгновенной, детской улыбкой. Именно так он не улыбался мне уже... не помню когда.

— Отлично! Молодец, что сварила борщ, она его обожает. А то в прошлый раз говорила, что твой слишком постный.

«Мой». Не «наш». Не «вкусный». «Твой слишком постный». Я стискиваю зубы, и ложка чуть звякает о край кастрюли.

— Я добавила больше свиных рёбрышек, как она любит.

— Умничка, — он уже набирает сообщение, даже не глядя на меня.

В груди знакомо, притуплённое годами, щемит. Я включаю вытяжку, и её гул заполняет пустоту, которая могла бы заполниться словами. Какими? «Как день?» Он скажет: «Нормально». «Что нового?» — «Да ничего». Наш диалог давно превратился в обмен бытовыми сводками и указаниями его матери.

Ровно через двадцать минут, когда я уже расставляю тарелки по засаленному скатерти-клеёнке, раздаётся фирменный длинный-короткий звонок в дверь. Сердечный ритм учащается. Людмила Петровна никогда не звонит в домофон, она звонит в дверь. Как хозяйка.

Я вытираю руки и иду открывать.

Она на пороге — монументальная, в добротном осеннем пальто цвета баклажана, с тщательной химической завивкой и сумкой-тележкой, битком набитой банками.

— Танечка, — говорит она, целуя воздух у моей щеки. Пахнет «Красной Москвой» и влажным весенним пальто. — Пропусти, не стой на пороге, сквозняк.

Я отступаю, и она вкатывает свою тележку в прихожую, как танк, занимая всё пространство.

— Сашенька, родной! — её голос становится томным, певучим.

Александр уже тут как тут, обнимает её, прижимается к её щеке. Она гладит его по затылку, и на её лице расцветает выражение настоящей, глубокой нежности. Той, которую я у неё никогда не видела.

— Мам, заходи, раздевайся. Таня борщ сварила.

— Ну посмотрим, посмотрим, что она там наварила, — говорит Людмила Петровна, уже направляясь в кухню, будто я не здесь. — О, господи, Таня, и полотенце на столе опять мокрое! Всю скатерть промочишь, она же потом вонять будет! Убери сразу!

Я молча хватаю полотенце. Руки чуть дрожат.

Она тем временем с важным видом осматривает кухню. Взгляд её — как луч сканера: пыль на верхней полке (как она её разглядела?), неправильно стоящая хлебница, слишком тусклый свет.

— Садись, мам, я сейчас налью, — суечусь я, пытаюсь вер-

нуть контроль над своим же пространством.

Мы усаживаемся. Александр напротив матери, я — между ними, как буфер. Я разливаю борщ по тарелкам, густой, с дымком, с толстым слоем сметаны.

Людмила Петровна пробует. Медленно. Причмокивает. Все замирают.

— Недоваренная свёкла, — выносит она вердикт. — И лаврушку рано вынула. Аромат не успел в бульон уйти. А так... сойдет.

«Сойдет». Высшая похвала.

— Я люблю, когда свёкла помягче, — робко замечаю я.

— Это не по-настоящему, — парирует она, не глядя. — Настоящий борщ — это чтоб свёкла в хруст, а бульон настоящий. Ты, Сашенька, как? На работе-то поел сегодня?

И понеслось. Весь ужин — это её монолог, перебиваемый редкими репликами Саши. Про его работу, про здоровье его начальника, про цены на рынке, про соседку, у которой дочь удачно замуж вышла «за инженера, не то, что некоторые». Последнее сказано с многозначительным взглядом в мою сторону. Я вышла за её сына, простого менеджера, и мы до сих пор в этой двушке-хрущёвке, которую она им «великодушно» уступила после свадьбы, оставив за собой право приходить когда угодно.

Я ем молча. Борщ кажется мне безвкусным, превращаясь в комок где-то в горле. Я смотрю на своего мужа. Он увлечённо кивает матери, поддакивает, смеётся её шуткам. Он

здесь, за этим столом, но он — с ней. Всегда с ней.

— ...а про детей что думаете? — вдруг вклинивается её вопрос, обращенный формально к нам обоим, но глаза прикованы к сыну. — Тридцатник вам уже. Пора. А то я уж заждалась внуков. Да и квартира пустует. Детская готова.

Детская. Та самая маленькая комната, которую она требует содержать в «полной готовности» с голубыми обоями и мебелью из своего гаража. В которой мы даже не ночевали ни разу.

— Мам, ну как же, — запинаясь Александр, наконец-то бросая на меня быстрый взгляд, в котором проскальзывает паника. — Мы же... Таня карьеру хочет...

— Какую карьеру? — Людмила Петровна фыркает, отодвигая тарелку. — Кассиром в супермаркете? Это не карьера, это так, подработка. Родит — дома посидит, ребёнком займётся. Польза будет. А ты, Саш, больше зарабатывать станешь, для семьи. Стимул.

Я чувствую, как по щекам ползут горячие пятна. Кассир. Пять лет на одном месте, потому что график удобный, потому что «не утруждайся», потому что «главное — дома порядок». Я смотрю на Александра, умоляюще, почти. Скажи что-нибудь. Защити. Хоть раз.

— Мама права, — говорит он, избегая моего взгляда и доедая хлеб. — Надо подумать. Но сначала надо с долгами разобраться...

И опять — их дуэт. Про кредиты, про «общий котёл», в

который Саша отдаёт больше половины зарплаты, а Людмила Петровна «мудро распределяет», про то, что «сейчас тяжёлое время».

Я встаю и начинаю собирать тарелки. Звон фарфора кажется мне неестественно громким. Мои руки двигаются автоматически. Горячая вода обжигает кожу, но я не отдергиваю руку. Эта боль — реальнее, чем всё, что происходит за моей спиной.

Позже, когда она уедет, оставив после себя три банки солёных огурцов и чувство опустошённой, выжженной территории, мы молча готовимся ко сну. В ванной я вижу в зеркале своё отражение: тридцатилетняя женщина с уставшими глазами, в поношенной футболке. В её взгляде — вопрос, на который уже нет сил ждать ответа.

Александр заходит, уже в пижаме. Обнимает меня сзади, прижимается губами к шее. Его руки скользят под футболку. В его прикосновениях нет нежности, есть привычка, смутное желание и отголосок сегодняшнего разговора — «пора».

— Саш... — начинаю я, но он перебивает поцелуем.

— Тихо, Тань. Все хорошо. Мама же вон какие огурцы оставила, фирменные.

Он ведёт меня в спальню. Я отключаюсь. Смотрю в потолок, на трещину в форме молнии. Его дыхание учащается, тело движется в знакомом, отработанном ритме. Я думаю о недоваренной свёкле. О влажном полотенце. О голубых обоях в пустой комнате. Его стоны становятся громче, он что-то

бормочет, но это не моё имя. Он заканчивает, тяжело дыша, и почти сразу же откатывается на спину.

— Спать, завтра рано вставать, — целует он меня в плечо и через минуту уже храпит ровно и спокойно.

Я лежу неподвижно. В тишине доносится мерное тиканье будильника и далёкий гул машин. Его телефон на тумбочке светится синим экраном уведомления. Я осторожно, замерев, тянусь к нему. Он никогда не ставит пароль. «Для чего? У меня секретов от тебя нет», — говорил он.

Сердце колотится где-то в горле. Я касаюсь экрана. Сообщение из мессенджера: «Спасибо за сегодня. Ты спас мой день :)». Отправитель — «Ольга, работа». Время — 16:47. Когда он должен был быть на «совещании».

Я кладу телефон на место, рука дрожит. Поворачиваюсь и смотрю на профиль мужа в полумраке. Он спит счастливым, беззаботным сном мальчика, которого только что накормили и пожалели.

А я лежу рядом, и тишина в нашей спальне вдруг становится оглушительной. И я понимаю, что только что узнала то, что знала уже очень, очень долго. Просто не позволяла себе этого признать.

Борщ, который я варила сегодня, окончательно и бесповоротно протух.

Глава 2. Я играю в прятки с самой собой

Утро начинается не с кофе. Оно начинается с тикающего в висках вопроса: «Ольга. Кто такая Ольга?»

Солнце бьет в глаза через щель в шторах, которые мы так и не заменили. Александр храпит, повернувшись ко мне спиной, его пижамная рубашка задралась, обнажая полоску бледной кожи. Вчерашнее сообщение горит у меня в голове кислотным зеленым светом экрана. «Ты спас мой день :)». Смайлик. Эта дурацкая, предательская улыбочка.

Я осторожно выскальзываю из-под одеяла. Холод линолеума обжигает ступни. На кухне все так же, как вчера: кастрюля с недоеденным борщом на плите, три банки с огурцами, выстроенные Людмилой Петровной в идеальный ряд на столе, как солдаты на параде. Я включаю чайник, и его шипение — первый нормальный звук за последние двенадцать часов.

Мне нужно вести себя как обычно. Это самое важное. Никаких истерик, никаких вопросов. Я проверяю лицо в отражении микроволновки: бледное, с синяками под глазами, но это можно списать на усталость. Я даже пытаюсь улыбнуться. Получается гримаса.

— Тань, кофе есть? — из спальни доносится сонный голос.

— Сейчас будет! — мой голос звучит удивительно бодро, почти как у телеведущей утреннего шоу.

Я насыпаю в чашку его дешевый растворимый «Арабику». Две ложки сахара, как он любит. Мои руки не дрожат. Я наблюдаю за ними со стороны, как будто это не мои руки, а чьи-то очень послушные и хорошо обученные.

Александр выходит, потягиваясь. Он в одних боксерах, утренняя эрекция оттопыривает ткань. Раньше это меня смущало, потом — заводило, теперь — оставляет равнодушной. Он целует меня в лоб, берет чашку.

— Спасибо, родная.

Он садится, начинает листать ленту новостей на телефоне. Смотрит спокойно. Не торопится проверить сообщения. Значит, не ждет ответа. Значит, все уже обсудили вчера. После «спасибо».

— Как спалось? — спрашиваю я, прислоняясь к столешнице. Держу кружку в обеих руках, чтобы скрыть возможную дрожь.

— Нормально. Ты ворочалась.

— Да, — говорю я. — Не могла уснуть. Думала про мины слова. Про детей.

Он отрывается от экрана, смотрит на меня с легким удивлением. В его глазах мелькает что-то вроде вины. Или раздражения. Сложно понять.

— Тань, не начинай с утра. Мама просто беспокоится.

— Я знаю, — мягко говорю я. — Она хочет нам только

добра.

Моя покорность, кажется, его обезоруживает. Он даже откладывает телефон.

— Просто... сейчас не время. Работа нестабильная. Да и мы с тобой... — он ищет слова, машет рукой.

«Мы с тобой что?» — хочется крикнуть. «Мы с тобой ничего? Мы с тобой — это ты и твоя мама, а я — приложение к этой квартире?»

— Я понимаю, — говорю вслух. — Ты прав.

Он улыбается, облегченно, и снова утыкается в телефон. Кризис миновал. Его все устраивает. Его мир, где жена покорна, мама права, а какая-то Ольга благодарит за спасенный день, — этот мир цел и невредим.

Мне нужно на работу. Я иду в душ. Горячая вода смывает с меня остатки сна, но не смывает липкое, тошнотворное чувство. Я вспоминаю каждую «Ольгу», которую когда-либо слышала. Была Ольга из бухгалтерии на его прошлой работе. Полная, с добрым лицом. Была Оля-клиент, про которую он говорил с раздражением: «Вечно все путает, приставучая». Новая? Молодая? Красивая?

Мое отражение в запотевшем зеркале расплывчато, нереально. Я растираю стекло ладонью. Женщина в зеркале смотрит на меня пустыми глазами. «Что ты будешь делать?» — спрашивают эти глаза. И у меня нет ответа.

Я одеваюсь в свою униформу: черные брюки, белая блузка, темный кардиган. Безлико. Удобно. Невидимо.

— Я ухожу! — кричу в квартиру.

— Давай, удачного дня! — доносится из спальни, где он, наверное, уже снова дремлет.

На улице мартовский ветер бьет в лицо колючими порывами. Дорога на работу — это десять остановок на автобусе. Обычно это время я трачу на то, чтобы тупо смотреть в окно. Сегодня мой мозг работает с бешеной скоростью, как перегруженный компьютер.

Вариант первый: устроить скандал. Прийти, выложить факт. «Кто такая Ольга?» Последствия: истерика Людмилы Петровны («Как ты смеешь проверять телефон мужа! Да он замученный, ему хоть какое-то внимание нужно!»). Оправдания Александра. Возможно, даже слезы. Потом — холодная война. Или, что хуже, «примирение» на его условиях. Нет. Это путь в никуда. Это подтвердит его и её мнение обо мне как об истеричке.

Вариант второй: собрать информацию. Молчать. Смотреть. Узнать врага в лицо. Это страшно. Это значит жить в этом цирке дальше, целовать его, готовить ему ужин, зная, что он... Что он что? Флиртует? Встречается? Спит?

Желудок сжимается в тугий болезненный комок.

Автобус трясется на колдобинах. Рядом сидит подросток, громко слушающий какой-то рэп. Мне хочется закричать, чтобы он выключил. Но я молчу. Я всегда молчу.

Работа. Супермаркет «Экономь-ка». Касса номер три. Моя крепость и моя каторга одновременно. Механические

движения: провести штрихкод, положить в пакет, назвать сумму. «У вас карта или наличные?» Улыбаться. Всегда улыбаться. Сегодня улыбка кажется мне маской, приклеенной к лицу суперклеем.

В перерыве я захожу в подсобку, пью воду из бумажного стаканчика и смотрю в стену. Моя коллега, Людка, застаёт меня в такой прострации.

— Тань, ты как выжатый лимон. Что случилось? Опять свекровь?

Людке сорок пять, она дважды разведена и ненавидит мужчин в принципе. Её советы всегда радикальны.

— Да нет, все нормально, — автоматически отвечаю я.

— Гори оно все синим пламенем, — философски заключает она, закуривая электронную сигарету у запасного выхода. — Мужики — они все одинаковые. Пока молодая и красивая, на руках носят. А потом ищут, кому бы пожаловаться на жизнь. Уж я-то знаю.

Её слова падают на благодатную почву. «Пожаловаться на жизнь». Это про него. Ему же со мной не о чем говорить. Я — часть быта, проблема, ожидание. А какая-то Ольга, наверное, слушает его с широко открытыми глазами, вздыхает: «Ах, Сашенька, как тебе тяжело!»

Злость. Острое, ядовитое, почти хмельное чувство подкапывает к горлу. Оно незнакомое. За годы я научилась гасить в себе любое недовольство, превращать его в усталую покорность. А сейчас оно горит, чистое и жгучее.

Вечером я иду домой другой дорогой. Мимо его офиса. Небольшое стеклянное здание бизнес-центра «Эталон». Я останавливаюсь напротив, закутываюсь в шарф, делаю вид, что разговариваю по телефону. Сердце колотится так, будто я совершаю ограбление.

В шестом часу из дверей начинают высыпаться люди. Я вглядываюсь в каждое лицо. Вот он. Мой Александр. В своем обычном темно-синем пальто. Он не один. Рядом с ним — женщина. Лет двадцати пяти, стройная, в элегантном бежевом тренче, с гладкой стрижкой каре. Она что-то оживленно говорит, смеется, запрокинув голову. Он улыбается в ответ, и эта улыбка... Она живая. Не та сонная, снисходительная улыбка, что бывает дома. А настоящая. Он что-то отвечает, жестикулирует. Потом она, смеясь, хлопает его по руке. Легко, игриво. Он не отстраняется.

Они идут к остановке. Я следую за ними, прячась за людьми. Во мне нет ничего, кроме леденящего, концентрированного внимания. Я замечаю каждую деталь: как ветер треплет ее волосы, как она поправляет сумку на плече, как он слегка наклоняется к ней, чтобы слышать слова.

На остановке они стоят рядом. Не слишком близко, но и не как коллеги. Как люди, которым комфортно вдвоем. Мой автобус подъезжает. Я должна сесть в него, чтобы успеть домой и начать готовить ужин. Но я не могу пошевелиться.

И тут происходит то, что выбивает землю из-под ног. Подъезжает черный «Фольксваген». Женщина машет рукой.

Останавливается, опускает стекло. За рулем — мужчина. Она оборачивается к Александру, говорит что-то на прощание, и... целует его в щеку. Легко, быстро, по-дружески. Но для меня этот поцелуй звучит как выстрел.

Она садится в машину и уезжает. Александр стоит еще с минуту, смотрит вслед, потом поворачивается и идет к своему автобусу. На его лице все еще блуждает та самая, чужая улыбка.

Я стою, вжавшись в стену павильона, и чувствую, как реальность раскалывается на две части. В одной — я, его жена, которая варит борщ и молча сносит унижения. В другой — он, который смеется с красивой коллегой, и весь его мир, где мне нет места.

Я опоздала домой на сорок минут. Александр уже дома, смотрит телевизор.

— Где ты была? — спрашивает он без особого интереса, переключая каналы.

— Очередь в магазине была огромная, — вру я, вешая куртку. Голос не дрожит. — Сейчас быстро все сделаю.

— Не торопись, я не голодный, — говорит он. — С Ольгой по дороге поужинали в столовой. Задержались, отчет дописывали.

Ольгой. Он произнес это имя. Так просто. Так буднично. «С Ольгой поужинали». И тут же, как бы оправдываясь, добавляет про отчет. Ложь, приправленная крохой правды.

— Понятно, — говорю я, заходя на кухню. Я включаю

свет, и яркая люстра освещает банки с огурцами, невытую с утра посуду, мою одинокую кружку на столе. — И как отчет?

— Да нормально, — доносится из зала. — Она молодец, быстро все схватывает. С ней работать легко.

В голосе — одобрение. Такое, какое я слышу только, когда он говорит о матери.

Я открываю холодильник, смотрю на его содержимое, не видя ничего. В ушах звенит тишина. А потом внутри меня что-то щелкает. Тихо, но четко. Как замок, который наконец-то открылся после долгих лет.

Страх и злость куда-то уходят. Их место занимает холодная, ясная решимость. Он играет в свои игры. Хорошо. Значит, и я могу играть.

Я не буду устраивать сцен. Не буду умолять. Я буду наблюдать. Я буду знать всё. А потом... Потом я решу, что с этим делать.

Я достаю курицу и овощи. Мои движения точны, быстры. Я режу лук, и слезы, навернувшиеся на глаза, — только от его едкого сока. Только от лука.

— Саш, у нас будет курица с овощами! — кричу я в зал, и мой голос звучит почти весело. — Быстро и полезно!

— Хорошо! — отзывается он.

Я стою у плиты, и пламя конфорки отражается в темном окне, за которым уже давно стемнело. В этом отражении я вижу не уставшую женщину в фартуке. Я вижу охотника, который только что выследил свою добычу и теперь терпеливо

ждет своего часа.

Игра началась. А я, кажется, наконец-то вспомнила правила.

Глава 3. Я изучаю правила чужой игры

Три дня. Семьдесят два часа, наполненных обыденностью, которая теперь кажется тонким фарфором — красивым с виду, но готовым треснуть от любого неловкого движения. Я наблюдаю. Я стала экспертом по микроскопическим деталям его поведения.

Он начал чаще проверять телефон, но не при мне. Уходит с ним в ванную или на балкон «подышать воздухом». Его пароль на банковском приложении сменился. Раньше он использовал дату рождения матери — 1508. Теперь просит отпечаток пальца. Это маленькое изменение — как красная лампочка на пульте.

Я же играю роль идеальной жены. Нет, даже не жены. Идеального фона. Я стала предсказуемой, как метроном. Утром — кофе и бутерброд. Вечером — ужин и тишина. Я перестала задавать даже те немногие вопросы, что задавала раньше. Моё лицо — гладкая маска одобрения.

Сегодня суббота. День, который раньше был нашим. Утром мы иногда валялись в постели, потом шли на рынок, я пыталась уговорить его в кино. Теперь суббота — это день Людмилы Петровны.

Она приезжает ровно в десять, как всегда, без звонка. В

руках не банки, а пакет с только что испеченными пирожками.

— Мясные, с говядиной, — вещает она, водружая пакет на стол. — Ты же, Таня, всегда недокладываешь фарша, получаются одни луковицы в тесте.

Я улыбаюсь, принимая удар, как принимаю душ — как ежедневную, необходимую процедуру.

— Спасибо, Людмила Петровна, буду учиться.

Она оценивающе смотрит на меня, будто ожидая сарказма, но не находит. Её немного раздувает, как воздушный шарик.

Александр, как щенок, виляет вокруг неё. Она гладит его по щеке, поправляет воротник футболки.

— Похудел, сынок. Таня не кормит?

— Кормит, мам, конечно, — он обнимает её за плечи. — Просто работы много.

— Работа работой, а здоровье дороже, — говорит она, и её взгляд скользит по мне, как скальпель. — Нужно, чтобы дома была поддержка, а не лишняя нагрузка.

Я поворачиваюсь к раковине и начинаю мыть посуду, оставшуюся с завтрака. Тёплая вода, пена. Я концентрируюсь на этом. Вместо того, чтобы слышать их разговор, я слушаю звук воды. Это мой щит.

Через полчаса, когда пирожки съедены и чай выпит, Людмила Петровна переходит к главному.

— Так что, Сашенька, как дела с тем кредитом? Ты гово-

рил, документы подай.

Я замираю, спина напрягается. Кредит? О каком кредите?

— Да все в процессе, мам, — уклончиво говорит Александр. — Жду ответа из банка.

— На хорошую сумму бери, не мелочись. На машину тебе давно пора, не на автобусах же ездить. Или на первоначальный взнос... для расширения жилплощади. — Она многозначительно обводит глазами нашу тесную кухню.

Ледяная волна прокатывается по мне. Они планируют что-то большое. Без меня.

— Мама, давай не сейчас, — Александр бросает быстрый взгляд на мою спину.

— А когда? Пора уже думать о будущем. Серьезно. — Она понижает голос, но я слышу каждое слово. — Ты же мужчина. Тебе нужно пространство. Для жизни. Для развития.

Мое «развитие», очевидно, в их планы не входит.

Я вытираю руки и поворачиваюсь к ним с самой безмятежной улыбкой, какую только могу изобразить.

— Пирожки были чудесные, Людмила Петровна. Спасибо. Я, пожалуй, схожу в магазин, нам молоко нужно.

Они оба смотрят на меня с удивлением. Обычно я сижу тут, как приговорённая, до самого их конца.

— Иди, иди, — бросает свекровь, уже возвращаясь к разговору с сыном.

Я выхожу на улицу, и холодный воздух обжигает лёгкие, как глоток спирта. Я иду, не зная куда. Ноги сами несут ме-

ня по знакомым дворам. В голове стучит: «Кредит. Машина. Расширение жилплощади». Это не просто разговоры. Это — план. План, в котором я — пассивный объект. Или вообще помеха.

Я сажусь на холодную лавочку у детской площадки. Пу-
стая качелька скрипит на ветру. И тут меня осеняет. Чтобы
взять кредит, нужны документы. В том числе — моё согла-
сие. Или... если квартира оформлена только на него? Я ни-
когда не вникала в эти бумаги. Мы расписывались, и мне ка-
залось, что всё общее. А если нет?

Мне нужно увидеть эти документы. Но где он их хранит?
У него есть старая портфельная папка, которую он называет
«семейный архив». Туда он скидывает все квитанции, дого-
воры. Она стоит на верхней полке шкафа в прихожей, зава-
ленная старыми куртками.

План формируется мгновенно, кристально ясный. Мне
нужно остаться дома одной. Надолго.

Возвращаюсь я через час, с пакетом молока и неестествен-
но яркими щеками от ветра. Людмила Петровна уже соби-
рается уходить.

— Наконец-то, — цедит она. — Я уж думала, ты всю мо-
лочную ферму обошла. Сашенька, помоги матери до маши-
ны дойти.

Они уходят. Квартира затихает. Я стою посреди гостиной,
слушая тиканье часов. Потом резко, почти бегом, бросаюсь
в прихожую. Стул из-под кухонного стола. Встаю на него,

сбрасываю на пол старые ветровки. Папка там. Серая, потрёпанная.

Сердце колотится так, будто я краду государственные тайны. Я снимаю папку, сажусь на пол, прямо в пыль. Раскрываю.

Сверху — квитанции за ЖКУ. Потом — наши паспорта (мой лежит тут же, значит, он им пользуется). Договор купли-продажи квартиры. Я впиваюсь глазами в текст. Покупатели: «Александр Игоревич Воронов и Людмила Петровна Воронова». Моего имени нет. Нигде.

Воздух перестаёт поступать в лёгкие. Я знала, что первоначальный взнос давала она. Но я думала... Наивная дура. Я думала, что после свадьбы я хоть как-то вписана в эту собственность. Но нет. Я просто прописана здесь. Как гость. Как квартирантка, которая ещё и убирает и готовит.

Листаю дальше, пальцы дрожат. Свидетельство о браке. Какая ирония. А вот — распечатки. Банковские. Не наши общие счета, а какие-то другие. На его имя. Переводы. Небольшие, но регулярные. Со счета «Л.П. Воронова» — «А.И. Воронову». И с его счета — на какой-то номер карты, незнакомый. В графе «назначение платежа» — «займ» или просто пусто.

Я достаю свой телефон и начинаю снимать. Страницу за страницей. Документы на квартиру. Эти распечатки. Мой паспорт, лежащий тут, будто заложник. Щелчок камеры звучит в тишине прихожей громко, как выстрел.

Потом я нахожу ещё один документ. Небольшой, из какой-то юридической конторы. «Предварительное соглашение о...» Дальше текст не виден, бумагу замяли. Я осторожно разворачиваю. «...о разделе имущества в случае...» Сердце замирает. «...в случае расторжения брака». Подпись — Александра. Второй строки для подписи нет. Моего имени в документе тоже нет. Это черновик. Или заготовка.

Он уже думал об этом. Думал всерьёз.

Шум ключа в замке. Ледяной ужас пронзает меня насквозь. Я лихорадочно сую бумаги обратно в папку, вскакиваю, закидываю её на полку, набрасываю сверху куртки. Спихиваю стул на кухню и бросаюсь к плите, хватая первую попавшуюся кастрюлю, когда дверь открывается.

— Я дома! — кричит Александр. — Фух, маму до метро проводил, она опять две сумки тащила...

Он заходит на кухню, видит меня, стоящую с пустой кастрюлей в руках, красную, запыхавшуюся.

— Ты что это?

— Да так... Хотела суп сварить, а бульона нет, — лепечу я, отворачиваясь, чтобы скрыть лицо.

— Не заморачивайся, что-нибудь простое. Я, кстати, вечером, возможно, ненадолго выйду. К коллегам. Поработать над тем отчетом.

Он говорит это легко, проверяя телефон. И я вдруг понимаю, что он даже не пытается быть убедительным. Он просто ставит меня в известность. Потому что уверен — я проглочу.

Я всегда всё проглатывала.

— Хорошо, — говорю я, ставя кастрюлю на место. — Во сколько?

— Не знаю. Не жди.

Он уходит в комнату, и я слышу, как он набирает чей-то номер. Голос его становится тише, ласковее. Я не различаю слов. Но интонацию — да. Ту самую, живую, которую я видела у офиса.

Я смотрю на свои руки. Они больше не дрожат. Они сжаты в кулаки так, что ногти впиваются в ладони, оставляя красные полумесяцы. Боль острая, ясная. Она проясняет сознание.

У них есть план. У него есть запасной выход. У неё — Ольги — есть его улыбка. А у меня теперь есть фотографии. И есть холодная, беспощадная ясность.

Я больше не жертва в их игре. Я стала шпионом. А шпиону нужны не только документы, но и улики. Настоящие.

Я иду в спальню, к его ноутбуку. Он редко его выключает. Просто закрывает крышку. Я открываю её. Экран загорается, запрашивая пароль. Раньше я бы отступила. Сейчас — нет. Я пробую 1508 — не подходит. Дату нашего свадьбы — не подходит. Свой день рождения — смешно, но нет. Потом вспоминаю: он любил какую-то дурацкую группу в институте. Пробую её название латиницей. Экран оживает.

Первое, что я вижу — открытый мессенджер в браузере. Он не вышел из аккаунта. И последний диалог... с «Ольга

К.». Сердце делает сальто. Я не могу. Это уже слишком. Это нарушение, после которого нет возврата.

Я делаю глубокий вдох. И нажимаю на стрелочку.

Переписка. Не такая уж и длинная. Недели две. Начало сухое, рабочее. Потом смайлики. Потом жалобы на усталость, на начальство. Её поддерживающие ответы: «Ты заслуживаешь большего, Саш!», «Как жаль, что тебя дома не ценят». Прямых признаний нет. Но есть атмосфера. Тёплая, понимающая. И сегодняшнее: «Вечером свободна? Можно было бы обсудить тот проект... и просто отдохнуть от всего :)»

Его ответ, отправленный час назад: «Постараюсь вырваться. Соскучился... по нормальному общению».

«По нормальному общению». Значит, наше — ненормальное. Значит, всё, что есть между нами — это ошибка.

Я нажимаю на её аватар. Открывается профиль. Фото — та самая женщина с каре. Ольга Кольцова. Я открываю её страницу в соцсети. Она не скрыта. Много фото: кафе, природа, спортзал. Она ведёт активную, яркую жизнь. И на одном из последних фото — она в том самом бежевом тренче, улыбается, и подпись: «После работы — лучшая часть дня!»

Лучшая часть дня. Возможно, с моим мужем.

Я закрываю ноутбук, аккуратно, как бомбу. Встаю. Иду на кухню. Достāju курицу, начинаю её мариновать. Мои движения точны, автоматичны.

Теперь я знаю правила их игры. Правила просты: лги, при-
творяйся, бери то, что хочешь, и не оглядывайся на того, ко-

го топчешь.

Хорошо.

Я научусь.

Но я сделаю так, что в конце этой игры проигравшими окажетесь вы.

А я возьму своё. Всё, что вы у меня отняли. И, может быть, даже больше.

Дорогие читатели!

Благодарю вас за интерес к моей новой книге.

Роман основан на реальных событиях, но не лишен художественного вымысла автора.

«Развод на троих» — это не про любовный треугольник. Это про отношения двоих, в которые часто вмешивается третья сторона.

И она, к сожалению, не в виде мудрой свекрови.

Сыночка-корзиночка и его мама – вот с кем приходится держать оборону нашей героине.

Не обошлось и без измены со стороны мужа, которую оправдывает свекровь.

Я приглашаю вас пройти этот сложный путь вместе с моими героями.

Обещаю, финал будет счастливым.

Если роман вас зацепил, то:

- добавьте книгу в библиотеку, чтобы не дать ей затеряться,

- подпишитесь на автора, чтобы точно не пропустить новинки,
- поставьте лайк и напишите комментарий – ваше мнение бесценно.

Именно ваша активность и отзывы помогают истории находить новых читателей.

<https://litnet.com/shrt/bx-L>

Также вас ждут и другие мои произведения:

Дневник обманутой жены

<https://litnet.com/shrt/7hJg>

Предательство по Уставу

<https://litnet.com/shrt/hsya>

Поцелуй чужими губами

<https://litnet.com/shrt/SfL7>

Альфонс и его дамы

<https://litnet.com/shrt/EeGD>

Неверный. Семья, которой НЕТ

<https://litnet.com/shrt/rzAc>

Искренне ваша, Лара Читай!

Глава 4. Я примеряю новую кожу

Дождь. Он стучит по подоконнику моей кассы ровно и назойливо, как метроном отсчитывает время до конца смены. Каждая капля — словно удар крошечного молотка по накопальне моего терпения. Обычно этот звук успокаивал. Сегодня он режет нервы.

«Спасибо, хорошего дня», — автоматически улыбаюсь я женщине с переполненной тележкой, чек которой тянется на полметра. Она даже не смотрит на меня. Никто не смотрит. Я — часть интерьера, функциональный предмет, вроде сканера штрихкодов.

В кармане моей униформы жужжит телефон. Одно короткое, деловое сообщение. Не от него. От Максима.

«Татьяна, добрый день. По поводу вёрстки того сайта — есть пара правок. Удобно ли будет обсудить завтра после 18:00? Можно в том же коворкинге».

Максим. Заказчик. Единственный луч света в этом сером, промокшем до нитки дне. Три недели назад я, набравшись духа, откликнулась на мини-вакансию в тематической группе: «Нужен дизайнер для простой лендинг-страницы». Цена смехотворная, но для меня — целое состояние. И возможность.

Я ответила, рискуя. Прислала несколько своих набросков, сделанных в бесплатной программе за ночами, когда Алек-

сандр храпел, а я не могла уснуть. Максим ответил не сразу. А когда ответил — без восторга, но с деловым интересом. «Есть потенциал. Но нужна работа над композицией. Готовы учиться?»

Готовы ли я учиться? Это был первый раз за последние пять лет, когда кто-то увидел во мне не «кассира Таню» или «жену Саши», а человека, который может что-то создавать. Которому есть куда расти.

«Да, удобно. В 18:30?» — отвечаю я, стараясь, чтобы слова не звучали слишком жадно.

«Отлично. До встречи».

Этот короткий диалог заряжает меня энергией, которой хватает до конца смены. Я собираю вещи под неодобрительным взглядом старшей смены, которая не любит, когда кто-то уходит ровно по графику, и выхожу на улицу. Дождь превратился в морозящую изморось. Я не беру зонт. Пусть мочит. Мне нужно ощущение чего-то настоящего, даже если это всего лишь холодная вода на коже.

Дома — тишина. Александр оставил сообщение: «Задерживаюсь. Не жди на ужин». Без подробностей. Без «извини». Я смотрю на эту строчку и чувствую не боль, а странное, почти научное любопытство. Где он? С ней? Или мама уговорила его на какую-то «важную встречу» с её знакомым банкиром по поводу того кредита?

Я не готовлю. Вместо этого я принимаю долгий душ, смывая с себя запах супермаркета — смесь пластика, хлорки и

чужих продуктов. Потом надеваю не растянутые домашние лосины, а свои самые хорошие джинсы и простую, но элегантную чёрную водолазку. Тот самый «почти новый» комплект, который я купила на свою первую зарплату и потом почти не носила — некуда было. Я смотрю на себя в зеркало. Женщина в отражении всё ещё выглядит уставшей, но в её глазах появилась искорка. Не надежды. Азарта.

В 18:20 я уже у входа в коворкинг «Хаб». Это бывший заводской цех, превращённый в пространство с кирпичными стенами, высокими потолками и запахом свежесваренного кофе. Для меня это — другая планета. Здесь люди говорят тихо, но уверенно, щелкают по клавиатурам ноутбуков, пьют из термокружек. Я чувствую себя самозванкой.

— Татьяна?

Обернувшись, я вижу Максима. Он не похож на моего заказчика. Вернее, не похож на мои стереотипы. Ему лет под сорок, но выглядит моложе. На нём не пиджак, а тёмный худи и джинсы. В руках — планшет. Улыбка не деловая, а какая-то... живая. Как будто он действительно рад меня видеть, а не просто терпит из-за дедлайна.

— Да, здравствуйте, — мой голос звучит чуть скованно.

— Максим, — напоминает он, пожимая руку. — Проходите. Захватили ноутбук?

— Да, — киваю я, прижимая к себе свой старенький, потрепанный ноутбук, который когда-то был подарен Александру для игр.

Мы устраиваемся за столом у окна. Он открывает макет на своём планшете и начинает объяснять правки. Говорит чётко, без снисходительности, но и без сюсюканья. Про баланс, про шрифтовые пары, про то, как глаз пользователя путешествует по странице.

— Вот здесь вы сделали интересный акцент, но он перетягивает внимание на себя. Давайте попробуем приглушить, — говорит он, и его пальцы быстро двигаются по экрану. Он показывает, а не просто указывает.

Я слушаю, впитываю, задаю вопросы. Сначала робко, потом смелее. И происходит чудо — он отвечает. Не отмахивается. Объясняет. В какой-то момент он даже говорит: «А знаете, у вас хорошее чувство цвета. Интуитивное. Его нужно развивать».

Эти слова греют меня изнутри сильнее любого глотка кофе. Я ловлю себя на том, что не думаю ни об Александре, ни о свекрови, ни об Ольге. Я думаю о пикселях, об отступах, о гармонии. Это мой побег. Но побег, который ведет не в никуда, а куда-то вперёд.

— Вы давно в дизайне? — вдруг спрашивает он, откладывая стилус.

Я смущаюсь.

— Нет... Я... это мой первый заказ. Я самоучка.

— Серьёзно? — он смотрит на меня с искренним удивлением. — Тогда вдвойне респект. Видно, что вложили душу. И время.

— Спасибо, — говорю я, и мне хочется добавить: «Вы не представляете, как мне нужно это слышать». Но, конечно, не добавляю.

Мы договариваемся о следующем этапе. Он встаёт, чтобы взять ещё кофе, и предлагает мне. Я соглашаюсь. Пока он у стойки, я позволяю себе осмотреться. Мой взгляд падает на его открытый ноутбук на соседнем столе. На экране — не макет, а какой-то сложный график и чат. Я машинально читаю обрывок сообщения: «...инвестор колеблется, нужно срочно доделать прототип...»

Он возвращается с двумя кружками.

— У вас свой бизнес? — спрашиваю я, кивая на ноутбук.

— Стартап, — усмехается он, ставя кофе передо мной. — Что-то между высокими технологиями и попыткой не сойти с ума. Иногда неясно, что сложнее.

Он говорит это без жалобы. С лёгкой самоиронией, которая мне нравится. Мы разговариваем ещё минут десять. Не о работе. О том, как изменился город, о новых выставках, о сложности найти хороший кофе после семи вечера. Это обычный светский разговор, но для меня он — как глоток воздуха после долгого пребывания под водой.

Прощаясь, он снова пожимает мне руку.

— Жду правки. И, Татьяна? — он на секунду задерживает взгляд. — Не недооценивайте себя. У вас есть талант. Его видно.

Я выхожу на улицу. Уже стемнело, дождь кончился, тро-

туары блестят под фонарями чёрным зеркальным лаком. Я иду медленно, ощущая странную, почти головокружительную лёгкость в груди. Его слова звучат во мне, как мантра: «У вас есть талант. Его видно».

Дома меня ждёт не просто пустота. Её ждёт Александр. Он сидит на диване, смотрит телевизор. На кухне — чисто. Значит, поел где-то.

— Где была? — бросает он, не отрываясь от экрана.

— У подруги, — автоматически вру я. И тут же ловлю себя: почему я вру? Потому что знаю — он не одобрит. Не одобрит мою попытку вырваться. Не одобрит, что я трачу время на «ерунду», когда могла бы быть полезной здесь.

— Какая подруга? У тебя только одна Людка.

— Ну, с Людкой и была, — говорю я, разуваясь. — Она расстраивалась, у неё кот заболел.

Ложь приходит так легко, что становится страшно. Я становлюсь вровень с ним.

— А, — он хмыкает. — У мамы, кстати, котёл полетел. Сейчас вообще тяжёлые времена, инфляция. Придётся, наверное, с твоей зарплаты тоже немного откладывать.

Он говорит это так, будто сообщает, что на улице похолодало. Без обсуждения. Как указ.

Раньше я бы опустила глаза и кивнула. Сегодня что-то внутри меня сопротивляется.

— На что именно? — спрашиваю я спокойно, вешая куртку.

Он оборачивается, удивлённый.

— Как «на что»? На общие нужды. На будущее.

— Наше будущее или твоё с мамой? — звучит у меня в голове. Но вслух я говорю: — Хорошо. Но мне тоже нужны деньги. На курсы.

Он морщит лоб.

— На какие ещё курсы?

— По дизайну. Хочу сменить профессию. Сидеть на кассе — это тупик.

Он смотрит на меня, как на говорящего попугая, который выдал не ту фразу.

— Таня, ну что ты... У тебя стабильная работа. Непыльная. А эти твои картинки... Это хобби. Не смей людей.

«Не смей людей». Фраза его матери. Он впитывает её интонации, как губка.

Я чувствую, как внутри всё сжимается от злости. Но я не показываю вида. Я просто смотрю на него и говорю тихо, но очень чётко:

— Это не хобби. Это моя возможность. И я буду это развивать. С твоего одобрения или без.

Я поворачиваюсь и ухожу в ванную, запираю дверь. Стою, прижавшись лбом к прохладному зеркалу. Сердце колотится. Я только что провела границу. Впервые за пять лет.

Через несколько минут он стучит.

— Тань, не дуйся. Ладно, занимайся своими курсами. Только смотри, чтобы это в ущерб дому не шло.

Не извинился. Не поддержал. Просто дал разрешение, как царь — позволение шуту на глупости. Но и это — победа. Маленькая, но победа.

Ночью он пытается меня обнять. Его руки скользят по моему боку, губы прижимаются к плечу. Раньше я бы либо отстранилась, либо покорно подчинилась. Сегодня я делаю выбор. Я притворяюсь спящей. Ровное, глубокое дыхание. Он вздыхает, поворачивается на другой бок.

Я лежу с открытыми глазами в темноте. В голове крутятся образы: макеты, строки кода, графики Максима, его слова об таланте. Потом — лицо Ольги из соцсетей. И документы на квартиру. И холодный, оценивающий взгляд Людмилы Петровны.

У меня теперь есть две жизни. Одна — здесь, в этой постели, с этим мужчиной, в этой клетке из чужих ожиданий. Другая — там, за пределами этой квартиры, где я могу быть кем-то. Где моё мнение имеет значение. Где я могу создавать.

Первая жизнь душит меня. Вторая — пугает своей новизной. Но она манит. Как свет в конце очень длинного, очень тёмного туннеля.

Я медленно выдыхаю и закрываю глаза. Завтра. Завтра я снова сяду за ноутбук. Завтра я внесу эти правки. Завтра я сделаю ещё один маленький шаг прочь от них.

Пусть они строят свои планы с кредитами и Ольгами. У меня теперь есть свой секретный проект. И его зовут — я.

Глава 5 Я сталкиваюсь лицом к лицу с призраком

Внезапное похолодание застало всех врасплох. С утра небо затянуло свинцовыми тучами, а к обеду повалил мокрый снег, который тут же таял, превращая тротуары в ледяное месиво. Мои дешёвые ботинки промокли насквозь за пять минут дороги от автобуса до работы. Вся смена прошла под аккомпанемент хлюпающих носков и вечного сквозняка от автоматических дверей.

Но не холод был главным. Главным было сообщение от Максима, пришедшее в обеденный перерыв: «С прототипом небольшая авральная ситуация. Нужно внести правки в дизайн сегодня. Можете заехать после вашей работы? Я буду в „Хабе“ до позднего. Понимаю, что это форс-мажор, оплачу двойной ставкой».

«Да, смогу», — ответила я почти мгновенно, сердце ёкнув от странной смеси паники и предвкушения. Двойная ставка. Для меня это были не просто деньги. Это был знак. Знак того, что моя работа кому-то нужна. Срочно.

Я позвонила Александру. Он взял трубку после пятого гудка, фоном слышались голоса и звон посуды.

— Я сегодня сильно задержусь, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал устало и буднично. — Начальница за-

ставляет остаться, инвентаризацию внезапную объявили. Не жди.

— Ладно, — бросил он, и было слышно, что его внимание уже не на мне. — Я тоже, возможно, не скоро. Мама просила помочь с бумагами у неё дома.

Ложь. Мы оба лгали друг другу с пугающей лёгкостью. Возможно, он и вправду был у матери. Но в его голосе слышалась та же слабая, едва уловимая нотка, что и в моём, — нотка человека, которому нужно оправдать своё отсутствие.

В шесть вечера я уже сидела в «Хаб» за тем же столом у окна. На улице уже была крошечная тьма, снег в свете фонарей кружился бешеным хороводом. Внутри — тихо, почти пусто. Только бармен тихо переставлял бокалы, да в дальнем углу сидела пара, уткнувшись в ноутбуки.

Максим выглядел уставшим. Под глазами — тёмные круги, волосы всклокочены. Но когда он увидел меня, его лицо озарила улыбка облегчения.

— Татьяна, вы спасительница. Извините за срочность. Инвесторы решили устроить внезапную проверку завтра утром, а у нас в дизайне дыра размером с Большой каньон.

Он быстро объяснил задачу. Нужно было переработать блок с презентацией продукта, сделать его более динамичным, «взрывным». Я слушала, кивала, открывала свой ноутбук. Страх улетучился, уступив место сосредоточенности. Это был вызов. И я его принимала.

Мы работали почти не разговаривая, только короткими,

деловыми репликами. «Попробуй сместить сюда». «Этот шрифт не читается на тёмном фоне». «Давай увеличим контраст». Я ловила себя на мысли, что мне нравится этот ритм. Нравится чувствовать себя частью чего-то важного, даже если это всего лишь пиксели на экране.

В какой-то момент он встал, чтобы взять нам кофе. Я потянулась, разминая затекшую шею, и мой взгляд упал на улицу. И замер.

Прямо напротив входа в коворкинг, под чёрным зонтом, стояли двое. Александр. И Ольга.

Мир сузился до размеры оконного стекла. Шум стих, свет стал резким и болезненным. Он был в своём синем пальто, она — в том самом бежевом тренче, накинутом поверх платья. Они что-то оживлённо обсуждали. Он что-то показывал на своём телефоне, она смеялась, прикрывая рот ладонью. Потом он нежно, совсем по-домашнему, поправил ей воротник, смахнув снежинку. И это движение — такое простое, такое интимное — пронзило меня ледяной иглой.

Они были здесь. В пятидесяти метрах от меня. Пока я воровала время у своей несчастной жизни, чтобы заработать копейки, он тратил вечер на улыбки другой женщине. Прямо на моих глазах.

— Татьяна? Кофе остывает.

Я вздрогнула, отпрянув от окна, как от раскалённой плиты. Максим стоял рядом с двумя кружками, его взгляд скользнул за окно, потом вернулся ко мне.

— Вы в порядке? Вы белая как снег.

— Да, да, всё хорошо, — затараторила я, хватая кружку, чтобы спрятать дрожь в руках. — Просто... увидела знакомых. Не ожидала.

Он сел, последовал за моим взглядом. Александр и Ольга уже поворачивались, собираясь уходить. Он взял её под локоть, осторожно ведя по скользкому тротуару. Картина идеальной заботы.

— Ваши знакомые? — мягко спросил Максим.

— Муж, — вырвалось у меня прежде, чем я успела подумать. Голос прозвучал хрипло, чужой.

Максим ничего не сказал. Он просто посмотрел на меня. Не с жалостью. С... пониманием. Таким глубоким и спокойным, что от него захотелось разрыдаться.

— Знаете, — сказал он наконец, отодвигая свой стул от окна, чтобы я не видела уходящую пару. — Иногда жизнь подбрасывает нам... наглядные пособия. Жёсткие, но наглядные.

Я не ответила. Я глотала горячий кофе, и он обжигал горло, но эта боль была ничто по сравнению с тем, что творилось внутри.

— Давайте закончим, — сказала я, и мои пальцы сами потянулись к клавиатуре. — Дыру нужно закрыть.

Я уткнулась в экран, яростно, почти с ненавистью двигая элементы, подбирая цвета. Каждый клик мыши был ударом. Каждая удачная композиция — маленькой победой над ха-

осом, который бушевал у меня в душе. Я работала так, как никогда раньше. С отчаянием и злостью, которые трансформировались в удивительную концентрацию.

Через час всё было готово. Максим смотрел на экран, и в его глазах читалось неподдельное уважение.

— Вы... вы это сделали. Блестяще. Я даже не ожидал, что можно так быстро и так точно.

— Вам нужно было, — просто сказала я, закрывая ноутбук. Руки больше не дрожали. Внутри было пусто и холодно, как в той промозглой ночи за окном.

Он расплатился наличными, дал больше оговоренного. Я не стала спорить. Просто сунула купюры в кошелёк.

— Могу я вас проводить? — спросил он, когда мы вышли на улицу. Ветер сразу же облепил лицо ледяными иглами. — Опасно одной в такую погоду.

— Нет, спасибо, — ответила я. Мне нужно было побыть одной. Осмыслить увиденное. — Я на автобусе.

Он не стал настаивать, просто кивнул.

— Тогда до связи. И... Татьяна. — Он сделал паузу, выбирая слова. — Не позволяйте призракам из прошлого (или настоящего) диктовать вам ваше будущее. Ваш талант — это реальнее любых их игр.

Он повернулся и зашагал в другую сторону, воротник куртки поднят против ветра. Я стояла на остановке, мокрый снег бил в лицо, а его слова медленно растапливали лёд внутри. «Ваш талант — это реальнее».

Автобус ехал пустынный. Я сидела у окна и смотрела на расплывающиеся световые пятна фонарей. В голове проигрывалась сцена снова и снова: её смех, его рука на её воротнике, их совместный уход. Но теперь к этой картинке добавилось иное: мои руки на клавиатуре, сосредоточенное лицо Максима, одобрительный кивок. Их мир был там, на улице — хрупкий, построенный на лжи и походе в кафе. Мой мир... мой мир только начинал строиться. И его фундамент был крепче, чем я думала.

Я вернулась домой за полночь. В прихожей горел свет. Александр сидел на табуретке и разувался. От него пахло дорогим кофе и чужими духами. Не теми, что у матери.

— О, живёшь, — сказал он, не глядя на меня. — У мамы этот кошмар с бумагами... чуть голову не оторвали.

— Представляю, — сказала я тихо, снимая мокрые ботинки. — Ты весь вечер там?

— Ага, — он потянулся, громко хрустнув спиной. — Голова раскалывается. Есть что перекусить?

Я прошла на кухню, сделала ему бутерброд. Мои движения были медленными, точными. Я поставила тарелку перед ним.

— Спасибо, родная, — он укусил и поморщился. — Хлеб черствый.

— Утром свежий куплю.

Он доел, поднялся, поцеловал меня в макушку.

— Ладно, спать. Завтра рано вставать.

Он ушёл в спальню. Я осталась на кухне, смотря на его грязную тарелку и кружку. И тут я заметила крошечное, едва различимое пятнышко на воротнике его тёмной футболки. Розовое. Помада. Тот оттенок, что был у Ольги на фото в соцсетях.

Я взяла тарелку, отнесла к раковине. Включила воду. Горячая струя ударила по фарфору, смывая крошки. Я смотрела, как вода уносит их в слив.

Раньше это пятно вызвало бы во мне бурю: слёзы, истерику, тихие рыдания в подушку. Сейчас я чувствовала лишь холодную, кристальную ясность. Призрак материализовался. Он больше не был абстрактной «Ольгой из переписки». Он был здесь, на воротнике моего мужа. И он был жалок.

Я вытерла руки. Выключила свет на кухне. В спальне Александр уже спал, разметавшись. Я осторожно легла с краю, чтобы не касаться его.

Лёжа в темноте, я вновь перебирала события вечера. Боль. Унижение. А потом — работа. Концентрация. Уважение в глазах Максима. Деньги в кошельке.

Они там, в своём мире лжи и дешёвых встреч. А я здесь. И у меня теперь есть оружие. Не крики и упрёки. А тихая, упрямая работа. Знания. Навыки. Деньги, которые они не контролируют.

Призрак встречи на улице медленно отступал, теряя свои устрашающие очертания. Он больше не мог меня напугать. Потому что я увидела его в лицо. И поняла — он не всемогущ.

У него есть слабое место. Его страх разоблачения. Его зависимость от мнения матери. Его мелкие, пошлые секреты.

А у меня есть будущее. Оно пахло не чужими духами, а кофе в «Хабе», скрипом стилуса по планшету и свежей бумагой, на которую только что лягут первые по-настоящему заработанные мной деньги.

Я закрыла глаза. Завтра. Завтра я куплю свежий хлеб. Завтра я доделаю макет. Завтра я начну искать способ получить копии тех документов из папки официально. Шаг за шагом.

Призрак может приходить. Пусть приходит. Теперь у меня есть свет, чтобы его разглядеть. И чтобы не бояться.

Глава 6. Я рою туннель в стене молчания

Аромат свежесваренного кофе был моим новым наркотиком. Не дешёвый растворимый порошок из жестяной банки, который пил Александр, а густой, горьковатый запах свежемолотых зёрен, витавший в «Хабе». Этот запах ассоциировался со свободой, с сосредоточенным тихим гулом работающих людей, с Максимом, ставящим передо мной новую, сложную задачу. После того вечера, после той встречи лицом к лицу с призраком, что-то во мне окончательно переключилось. Боль стала тише, острее стала ясность. Я не просто собирала информацию. Я строила плацдарм.

Проект с Максимом близился к завершению. Он предложил мне взяться за следующий — небольшой, но уже за более существенные деньги. «Вы быстро учитесь, — сказал он как-то, когда мы обсуждали макет. — У вас есть что-то важное — вы не боитесь сложных решений». Он не знал, что моя жизнь и была тем самым сложным решением, которое я наконец-то начала принимать.

Но одной удалённой подработки было мало. Мне нужна была точка опоры здесь, в этом городе, вне «Хаба» и вне моей квартиры-аквариума. Нужны были союзники. Или хотя бы нейтральные наблюдатели.

Я начала с малого. В обеденный перерыв, вместо того чтобы жевать бутерброд в подсобке с Людкой и слушать её тирады про «мудаков-мужиков», я выходила в ближайшую кофейню. Не чтобы пить кофе — он был мне не по карману, — а чтобы впитывать атмосферу. Смотреть, как общаются другие люди. Как девушки в модных свитерах обсуждают проекты, как фрилансеры договариваются о встречах. Я училась языку этого нового мира. Языку, в котором не было слов «должна», «надо» и «мама сказала».

Однажды, сидя с ноутбуком за крошечным столиком у окна и правя макет, я услышала за спиной знакомый голос. Низкий, спокойный, с лёгкой хрипотцой. Максим. Он говорил с кем-то о проблемах с арендой офиса. Я невольно прислушалась, не оборачиваясь.

— Они снова подняли цену, причём в одностороннем порядке, — говорил его собеседник, мужчина.

— В договоре есть пункт о... — начал Максим, но голос его потонул в общем гуле.

Союзники. Ему нужен был юрист. А мне... Мне нужен был кто-то, кто мог бы посмотреть на те документы из папки свежим, профессиональным взглядом. Кто мог бы объяснить, на что я имею право в этом браке, оформленном на чужую собственность. Мысль созревала медленно, как тяжёлый, ядовитый плод.

Я не стала подходить к нему тогда. Вместо этого, вернувшись домой, я совершила новый набег на «семейный архив».

На этот раз я не просто сфотографировала. Я аккуратно, на обычную шариковую ручку, переписала номера договоров, даты, основные пункты. Выглядело это как бессмысленные цифры в моём блокноте для эскизов, рядом с набросками логотипов. Если Александр найдёт — не поймёт.

Следующим шагом стала библиотека. Не та, куда водили в школе, а современный медицентр с компьютерами и бесплатным Wi-Fi. В свободные часы я забивала в поисковике сухие, страшные слова: «права супруга на неприватизированную квартиру», «раздел имущества при отсутствии доли», «доказательство финансовых махинаций в браке». Я читала статьи, форумы, скачивала образцы заявлений. Мир юриспруденции открывался передо мной как тёмный лес, полный колючих терминов и ловушек. Но я шла, потому что отступать было некуда.

Однажды вечером, когда Александр заявил, что идёт «в спортзал» (новое оправдание, я проверила — абонемент у него нет), я набралась смелости и позвонила в единственную юридическую консультацию, которая работала до восьми. Женский голос, уставший и равнодушный, сообщил, что первичная консультация — две тысячи рублей. У меня как раз были эти деньги. Заработанные. Мои.

— Я... я подумаю, — сказала я и бросила трубку.

Две тысячи. Месяц моих обедов. Или два часа работы на Максима по новой ставке. Цена вопроса. Цена моего будущего. Я сидела в темноте на кухне и смотрела на экран телефо-

на, где горел номер банковского приложения с моим тайным счётом. Там лежало уже пятнадцать тысяч. Целое состояние.

На следующей встрече с Максимом я закончила работу раньше срока. Он проверял финальные правки, кивал.

— Отлично. Плачу сегодня вечером на карту.

— Максим, — сказала я, и голос мой звучал чуть более неуверенно, чем хотелось бы. — Можно вас спросить не по делу?

— Конечно.

— Вы... в тот раз говорили про проблемы с арендой. С юристом. Вы не знаете... нормального? Не очень дорогого? Мне для... личного вопроса.

Он отложил стилус, внимательно посмотрел на меня. В его взгляде не было любопытства, только сосредоточенность.

— Семейное право?

Я кивнула, с трудом сглотнув комок в горле.

— Знаю одну. Хороший специалист, честный. Не из тех, кто разводит на деньги. Дам вам контакты. Скажете, что от меня.

Он достал телефон, продиктовал имя и номер. Елена Аркадьевна Сомова.

— Спасибо, — прошептала я.

— Не за что. — Он помолчал. — Татьяна, то, что вы делаете... это требует мужества. Запомните это.

Мужества. Никто никогда не говорил мне такого слова в контексте, связанном со мной. «Покорности» — да. «Терпе-

ния» — сколько угодно. Но «мужества»...

Я позвонила Елене Аркадьевне на следующий же день, с работы, выйдя в тихий дворик за супермаркетом. Договорилась о встрече на её территории, в маленьком уютном офисе в старом доме в центре. Я сказала Александру, что меня вызывают на внеплановое собрание по поводу инвентаризации. Ложь липла ко мне, как вторая кожа.

Елена Аркадьевна оказалась женщиной лет пятидесяти, с короткой седой стрижкой и внимательными, проницательными глазами цвета стального гвоздя. Она выслушала меня почти полчаса, не перебивая, лишь изредка делая пометки на листе. Я рассказывала всё. Про квартиру, оформленную на свекровь и мужа. Про «общий котёл». Про Ольгу и пятно помады. Про папку с документами и предварительное соглашение о разделе. Голос мой то срывался, то становился удивительно монотонным, будто я читала доклад о чужой жизни.

Когда я закончила, она отложила ручку.

— Вы составили очень подробную картину, — сказала она. Голос у неё был низкий, без эмоций. — Ситуация, к сожалению, классическая. Вы юридически крайне уязвимы. Квартира — не ваша. Накопления, если они есть на общих счетах, которые контролирует свекровь, доказать будет сложно. Ваша официальная зарплата невелика. Суд, в случае развода, с большой вероятностью оставит вас ни с чем, если вы не предоставите железные доказательства двух вещей.

Она подняла палец.

— Первое: неоднократных измен, которые можно трактовать как аморальное поведение, порочащее семью. Ваши догадки и даже фото переписки — слабые улики. Нужны факты, свидетели, возможно, даже официальные подтверждения (чеки из гостиниц, показания соседей).

— Второе: — она подняла второй палец, — сокрытия доходов и финансовых махинаций со стороны супруга и его матери. Эти переводы, о которых вы говорите... если они идут мимо семейного бюджета, это можно попытаться оспорить как растрату общих средств. Но нужны выписки со счетов. Официальные.

Мир, который я начала потихоньку отстраивать, дал трещину. Железные доказательства. Выписки со счетов. Свидетели.

— И что... что мне делать? — спросила я, и мой голос прозвучал тонко, по-детски.

— Вы уже начали делать самое разумное, — сказала Елена Аркадьевна. — Ищите независимый источник дохода. Это критически важно. Суд будет смотреть на вашу способность содержать себя. Продолжайте в том же духе. Что касается доказательств... будьте осторожны. Нелегальная съёмка, взлом переписки могут обернуться против вас. Но если улики «упадут к вам в руки»... сохраняйте всё. Каждый чек, каждую смс, каждую странную распечатку. И запомните: самое важное, что у вас есть сейчас — это время. У них есть

чувство ложной безопасности. Они вас не считают за угрозу. Используйте это.

Она взяла с меня две тысячи, как и договаривались, но в конце консультации вдруг сказала:

— И, девушка... купите себе диктофон. Недорогой. И всегда носите с собой в кармане. Включайте, когда чувствуете, что разговор может повернуть в важное для вас русло. Особенно с матерью. Такие люди любят поучать. Иногда в своих поучениях они говорят слишком много.

Это был конкретный, почти шпионский совет. И он отрезвил меня больше, чем всё остальное. Это была война. И мне только что выдали первое оружие.

Вечером того дня Александр вернулся домой в странно приподнятом настроении. Он даже принёс торт-полуфабрикат в коробочке.

— Мама дала, — сказал он. — Говорит, ты выглядишь уставшей. Пусть подкрепишься.

Ирония была настолько густой, что её можно было резать ножом. Я улыбнулась, поблагодарила. Мы ели этот безвкусный, пропитанный консервантами торт на кухне, и он рассказывал про какие-то нелепые новости с работы. Я кивала, а в кармане моих домашних брюк лежал купленный по дороге домой крошечный диктофон. Он был включен.

— Кстати, — сказал Александр, заглатывая последний кусок. — Мама предлагает вложить наши накопления из котла... в один проект. У её знакомого. Там хорошие проценты.

На машину мне, в конце концов.

«Наши» накопления. Мои пять лет жизни, моё терпение, мои унижения.

— Это же рискованно, — осторожно сказала я. — А если проект прогорит?

— Мама всё проверила, — он махнул рукой. — Она плохого не посоветует. Да и сумма там не такая уж большая, чтобы волноваться.

Сумма. Которая для них «не такая уж большая», а для меня — год жизни.

— А как же план с расширением жилплощади? — спросила я, делая вид, что собираю крошки со стола.

— При чём тут это? — он нахмурился. — Это отдельно. Это... долгосрочное. А машина нужна сейчас. Я устал в этих автобусах толкаться.

Я не стала спорить. Просто выключила диктофон, когда он ушёл смотреть телевизор. У меня был его голос. Его признание в том, что «наши» деньги планируют вложить без моего ведома. Это было что-то. Маленький кирпичик в стене доказательств.

Лёжа в постели, я слушала запись на наушниках. Его голос, такой знакомый и такой чужой. Голос Елены Аркадьевны: «...самое важное, что у вас есть сейчас — это время... они вас не считают за угрозу».

Она была права. Я была для них тенью. Тихим, послушным приложением. Это и было моим преимуществом.

Стена молчания, которую они построили вокруг меня, была толстой. Но я научилась слушать сквозь неё. А теперь начала рыть свой туннель. Кирпичик за кирпичиком. Фотография документа. Консультация юриста. Запись разговора. Заработанная тысяча.

Это был медленный, изнурительный труд. Иногда казалось, что я стою на месте. Но когда я смотрела на тайный счёт в телефоне или на список файлов с доказательствами, зашифрованных под безобидными названиями в облаке, я понимала — движение есть.

Туннель был узким и тёмным. Но где-то впереди, пусть и очень далеко, мерцал свет. Свет, в котором не было ни Александра, ни его матери, ни их лживых планов. Только я. И моя жизнь, которую я, наконец, отвоёвывала обратно.

Глава 7. Я ставлю эксперимент на его лжи

Холодный рассвет заливал кухню синеватым светом. Я стояла у плиты, переворачивая яичницу. В голове чётко, как военный план, выстраивался сегодняшний сценарий. После визита к юристу и покупки диктофона я перестала быть просто наблюдателем. Я стала экспериментатором. А Александр и его мать — моими подопытными. Сегодняшний эксперимент назывался: «Реакция на прямое, но спокойное неповиновение».

Дверь в спальню скрипнула. Он вышел, потягиваясь, в мятых боксерах.

— Утро доброе, — буркнул он, садясь за стол и потянувшись за телефоном.

— Доброе, — ответила я, ставя перед ним тарелку. В кармане моего халата диктофон был включён. — Кофе будет через минуту.

Он что-то бормотал в ответ, уже уткнувшись в экран. Я налила кофе, села напротив с чашкой чая. Молчание было комфортным, привычным. Идеальным для первого выстрела.

— Саш, — сказала я ровно, когда он сделал первый глоток. — Я сегодня не смогу быть у мамы. У меня дела.

Он медленно оторвался от телефона, моргнул.

— Какие дела? Мама ждала. Она хотела, чтобы ты помогла с генеральной уборкой перед приездом тёти Гали.

— Я знаю. Но у меня запланирована встреча. Важная.

— Какая ещё встреча? — его брови поползли вверх, в голосе зазвучали знакомые нотки раздражения, приправленные недоумением. Он не ожидал сопротивления по такому пустяковому, на его взгляд, вопросу.

— По работе, — солгала я гладко. На самом деле у меня был созвон с новым заказчиком, найденным через биржу фриланса. Но «работа» для него — это только моя касса в «Экономьке». Всё остальное — блажь.

— Какая ещё работа? У тебя же смена завтра. — Он отложил телефон, и его взгляд стал изучающим, будто я внезапно начала говорить на санскрите.

— Подработка, — уточнила я, отпивая чай. Мои руки не дрожали. — Дизайн. Я тебе говорила.

— Таня, ну серьёзно? — он фыркнул, отодвинул тарелку. — Эти твои картинки... Мама ждёт. Она уже, наверное, продукты купила, чтобы нас покормить. Неудобно.

Вот он — ключевой момент. «Мама ждёт. Неудобно». Его главные аргументы.

— Позвони ей, скажи, что я не смогу. Или сходи к ней сам, помоги. Ты же её сын.

Он замер, глядя на меня так, будто я предложила ему пойти грабить банк.

— Я? Убираться? Ты чего? Это же женская работа.

Внутри всё похолодело от отвращения, но на лице я сохранила спокойную маску.

— Ну, значит, пусть тётя Галина помогает. Или наймите клининг. У мамы, я слышала, деньги на рискованные проекты есть.

Его лицо исказилось от гнева и... страха? Страх, что я знаю больше, чем должна.

— Что ты несешь? Какие проекты? Ты вообще понимаешь, что говоришь? — он встал, отчего его фигура в крошечной кухне вдруг стала громоздкой, угрожающей. Старая тактика — давление физическим превосходством.

Я не отклонилась назад. Подняла на него глаза.

— Я говорю, что у меня сегодня свои планы. И я их меняться не собираюсь. Всё просто.

Мы смотрели друг на друга несколько секунд. Тиканье часов на стене звучало оглушительно громко. В его глазах бушевала буря: злость, растерянность, непонимание. Он не знал, как реагировать. Его сценарий не предполагал такого развития событий.

— Ну и сиди тут со своими «планами», — выдохнул он наконец, срывая со спинки стула свою футболку. — Умаешься по магазинам бегать, потом сама приползёшь и извиняться будешь. Маму расстроила, молодец.

Он вышел из кухни, громко хлопнув дверью в ванную. Я услышала шум воды. Эксперимент дал первые результаты:

при столкновении с прямым, но спокойным отказом, субъект переходит к попытке давления и манипуляции, а затем к ретираде под видом обиды. Интересно.

Через пятнадцать минут он выскочил из квартиры, хлопнув входной дверью. Я допила чай, вымыла посуду и только тогда вынула диктофон, нажала стоп. Маленькая победа. Но главное испытание было впереди — Людмила Петровна. Она не ограничится хлопком дверью.

И я не ошиблась. Через час, когда я уже сидела перед ноутбуком, готовясь к созвону, раздался тот самый длинный-короткий звонок. Я вздохнула, отложила наушники и пошла открывать.

Она стояла на пороге, как грозовая туча в осеннем пальто. Без приветствия, без улыбки.

— Ты что это позволяешь себе? — завела она с порога, переступая через порог и заставляя меня отступить. — Сашенька звонит, чуть не плачет, говорит, ты с утра истерику закатила, от помощи отказываешься! Он на работе из-за тебя нервничает!

Я закрыла дверь, повернулась к ней. В правом кармане моих джинсов диктофон был снова включен.

— Людмила Петровна, добрый день. Я не закатывала истерик. Я сказала, что у меня сегодня важная встреча и я не могу помочь с уборкой.

— Какая встреча важнее семьи? — она фыркнула, сбрасывая перчатки на тумбу. — Какая ещё «встреча»? У тебя

что, бизнес свой? Или любовник появился?

Её взгляд, острый как бритва, скользнул по мне, пытаюсь уловить признаки вины или страха.

— Рабочая встреча, — повторила я, не поддаваясь на провокацию. — Я развиваюсь в новой сфере. Это важно для моего будущего.

— Будущего? — она засмеялась сухо, беззвучно. — Твоё будущее — это Сашенька и семья, которую вы должны создать! А ты вместо того, чтобы детей рожать и мужа поддерживать, по каким-то «встречам» шляешься! Кто будет борщ варить, а? Кто порядок в доме поддерживать?

Она прошла на кухню, её глаза сразу же выхватили немую с утра кружку Александра.

— Вот, уже бардак. И это только начало. Он говорил, ты денег на какие-то курсы просила. Зачем? Чтобы ещё больше времени на ерунду тратить?

Я не стала оправдываться про кружку. Я подошла к окну, оперлась о подоконник, создавая дистанцию.

— Ерунда для вас. Для меня — возможность. Я не хочу всю жизнь стоять на кассе.

— Скромность украшает женщину! — отрезала она, поворачиваясь ко мне. Её лицо было искажено искренним непониманием и гневом. — Твое место — быть опорой мужу! Он главный добытчик! А ты своим непослушанием подрываешь его авторитет! Он из-за тебя кредит не может спокойно оформить, всё переживает!

«Бинго», — подумала я. Сама принесла тему.

— Какой кредит? — спросила я с наигранным простодушием.

Она на секунду споткнулась, поняв, что проговорилась, но тут же взяла себя в руки.

— Это не твоё дело. Мужские вопросы. Он машину хочет, для семьи удобнее. А ты тут со своими «дизайнами»... Он же мается, бедный! Ему же дома внимания не хватает, поддержки! Нормальный мужчина на твоём месте нашел бы способ мужа отогреть, а не в стороны смотреть!

Это было уже почти прямым намёком. Моё сердце застучало быстрее, но не от страха, а от азарта. Она играла в открытую.

— Что вы имеете в виду, Людмила Петровна? — спросила я тихо. — Чем это я должна его «отогревать», если он половину вечеров на работе пропадает?

Её глаза сузились. Она подошла ближе, и от неё пахло тем же «Красной Москвой» и холодной улицей.

— Не делай вид, что не понимаешь. Мужчине нужно внимание. Если дома он его не находит... он пойдёт искать там, где найдёт. И будет прав. — Она произнесла это не со злорадством, а с каменной уверенностью в своей правоте. Это было даже страшнее. — Ты думаешь, я не вижу, как ты последнее время отдаляешься? Нос воротишь, губы дуешь. Может, тебе вообще замуж не надо было? Может, ты ему не пара?

Воздух на кухне стал густым, едким. Это был не просто

конфликт. Это была атака с целью уничтожения. Она пыталась сломать меня, вернуть в привычные рамки виноватой и недостойной.

Раньше её слова пробили бы во мне брешь. Сейчас они отскакивали, как горох от бронестекла. Потому что у меня в кармане была записка. И потому что я видела его с Ольгой.

Я выдержала её взгляд.

— Если я ему не пара, Людмила Петровна, то зачем вы тогда настаивали на этом браке? — спросила я так же тихо. — Зачем уговаривали меня выходить за него?

Это был удар ниже пояса. Она отшатнулась, будто её ударили по лицу. Никто никогда не спрашивал её об этом. Никто не сомневался в её святом праве устраивать жизнь сына.

— Как... как ты смеешь! — выдохнула она, и в её глазах впервые мелькнуло что-то кроме гнева — растерянность. — Я... я хотела для сына счастья! Я думала, ты будешь хорошей женой! А ты... ты эгоистка!

— Я становлюсь собой, — поправила я её. — И если это проблема для вас и для Александра, то это ваши проблемы. А не мои. Теперь извините, у меня действительно важная встреча.

Я повернулась и пошла в комнату, оставив её одну посреди кухни. Моя спина горела от её взгляда, но я не обернулась. Я закрыла дверь в комнату, негромко щёлкнув замком. Прислонилась к ней спиной, дрожа от выброса адреналина. В ушах гудело.

За дверью царила тишина. Потом я услышала, как она резко передвигает стул, бормочет что-то под нос. Ещё через пять минут — хлопок входной двери. Она ушла. Не солоно хлебавши.

Я вынула диктофон, прижала его к груди. Внутри была запись, которая стоила больше золота. Её голос, её слова: «... он пойдёт искать там, где найдёт. И будет прав». Её одобрение измен. Её прямая атака на меня. Это было неоспоримо.

Через час, когда дрожь окончательно улеглась, я провела созвон. Новый заказчик, мужчина лет сорока, был приятно удивлён моей компетентностью и взял проект в работу. Оплата — предоплата 30%. Когда уведомление о переводе пришло на мой тайный счёт, я позволила себе широкую, беззвучную улыбку.

Вечером вернулся Александр. Он был хмур, избегал моего взгляда. Видимо, получил взбучку от матери за то, что не сумел «поставить меня на место». Он молча поужинал приготовленной мной пастой (я не стала лишать себя еды из-за склок), уткнулся в телевизор.

— Мама сегодня приходила, — сказал я нейтрально, проходя мимо с чашкой чая.

— Знаю, — пробурчал он. — Ты её довела. Она теперь болеет, давление подскочило.

— Мне жаль, — сказала я без тени сожаления. — Передавай ей привет.

Он обернулся, его лицо исказила гримаса злобы.

— Таня, ты что, с катушек съехала? Кем ты себя возомнила? Тебе мало того, что у тебя есть? Крыша над головой, муж...

— Муж, который изменяет? — спросила я вдруг, прямо, глядя ему в глаза. Я не планировала этого. Это вырвалось само.

Он побледнел. Глаза округлились. Он открыл рот, но не нашёл слов. Видимо, сценарий «жена-истеричка» не подходил под моё спокойный, вопрошающий тон.

— Что?.. Что за чушь? Кто тебе наговорил? Эта твоя Люд-ка? — залепетал он.

— Мне никто ничего не говорил. Я вижу. Я не слепая, Саша.

Он вскочил с дивана.

— Да ты... ты просто сама совесть нечиста! Вот и на меня грешишь! Мама права — ты меня до такой жизни довела! — Он кричал, но в его крике не было силы, была паника. Паника пойманного за руку воришки.

Я не стала продолжать. Я повернулась и ушла в ванную, закрылась. Эксперимент был завершён. Результаты превзошли ожидания. При прямом столкновении с фактом (без предъявления доказательств) субъект демонстрирует паническое отрицание и попытку перевести вину на объект эксперимента. Паника — показатель слабости позиции.

Я включила воду, умылась холодной водой. В зеркале на меня смотрела женщина с горящими глазами. Она только

что прошла боевое крещение. И вышла из него не сломленной, а сильнее.

Ложь была хрупкой, как стекло. И я только что бросила в неё камень. Трещина пошла. Теперь оставалось лишь ждать, как и когда всё это рассыплется. А пока... пока у меня были записи, растущий счёт и тихая, непоколебимая уверенность в том, что я на правильном пути. Пути к выходу из этой лаборатории лжи, где я слишком долго была подопытным кроликом.

Глава 8. Я наступаю на мины и обезвреживаю их

Тишина, воцарившаяся после моего прямого вопроса об измене, была гулкой и зловещей, как затишье перед ураганом. Александр перестал бросать обвинения, но начал действовать. Он не пытался заговорить, не искал примирения. Он стал осторожным, как хищник, почуявший капкан. Его взгляд, скользивший по мне, был лишён прежней сонной снисходительности — в нём читалось холодное, оценивающее внимание. Я тронула святое — его иллюзию безнаказанности. И это изменило правила игры.

Первой миной стала моя работа в «Экономьке». Через три дня после скандала ко мне подошла заведующая, женщина с лицом, как у высохшей груши.

— Татьяна, — начала она, не глядя в глаза. — У нас тут оптимизация штатного расписания. На твою ставку претендует девочка, племянница районного управляющего. У неё два образования. Мы вынуждены... предложить тебе перейти на полставки. Или на скользящий график.

Мне не нужно было быть гением, чтобы понять, чьих это рук дело. «Полставки» означало бы потерю и так крошечно-го, но стабильного дохода. «Скользящий график» — постоянную неразбериху и невозможность планировать встречи с

заказчиками.

— На каком основании? — спросила я, удивляясь собственному спокойному тону.

— Основание — производственная необходимость, — отрезала заведующая, вручая мне для подписи уведомление. — Решай. К понедельнику.

Я не стала спорить. Я подписала, выбрав «скользящий график». Это был удар, но не смертельный. Мои фриланс-доходы уже почти равнялись зарплате кассира. Это значило лишь, что мне нужно больше работать и быстрее развиваться. И меньше спать. Что ж, сон и так был роскошью.

Когда я сообщила новость Александру, он лишь кивнул, делая вид, что читает газету.

— Жаль, конечно. Но, может, и к лучшему. Больше времени дома будешь. Мама говорит, что тебе нужно больше вкладываться в домашний очаг.

Вторая мина была тоньше. Деньги. Вернее, их отсутствие. В следующее воскресенье Людмила Петровна явилась с очередным пирогом и новостью:

— Сашенька, котёл нужно срочно пополнить. Тарифы на коммуналку снова выросли, плюс я внесла за тебя платёж за ту страховку жизни. Ты же не забыл? Ты — кормилец, о тебе нужно заботиться.

Александр покорно достал кошелёк и отсчитал ей почти всю свою зарплату. Потом посмотрел на меня.

— Тань, а ты? С тебя тоже твоя часть. Половина от твоей

зарплаты, как обычно.

Обычно я бы молча отдала. Но теперь график был скользким, и моя следующая зарплата была под большим вопросом. К тому же, я точно знала, что «котёл» — это чёрная дыра.

— У меня сейчас сложности с графиком, зарплату уреза-
ли, — сказала я, не отрываясь от мытья посуды. — Не могу
сейчас.

Наступила тягостная пауза.

— Как это не можешь? — взвизгнула Людмила Петровна.
— Это твой долг перед семьёй! Ты что, думаешь, мы тебя
содержим?

— Я содержу себя сама, — ответила я, поворачиваясь к
ним. — И квартиру эту, и еду. А куда уходят деньги из котла
— мне, как вы сами говорите, неизвестно. Так что, пока не
увиджу прозрачный отчёт о расходах, вносить не буду.

Их лица были шедеврами. На лице Александра — пани-
ка и ярость. На лице Людмилы Петровны — ледяное, смер-
тельное бешенство. Она поднялась.

— Прозрачный отчёт? ТЕБЕ? Да ты забыла, кто в этом
доме хозяин! Кто квартиру покупал? Кто кормил и поил, ко-
гда ты из своей деревни сюда приехала? Неблагодарная!

Это была её излюбленная пластинка. Раньше она действо-
вала безотказно, вызывая во мне чувство вины. Сейчас я
лишь пожимала плечами.

— Я не забыла. И очень благодарна. Но я больше не де-

вочка. И хочу понимать, на что уходят наши общие деньги. Это нормально.

Она не нашлась, что ответить. Она схватила сумочку и вышла, хлопнув дверью так, что задребезжали стекла в серванте. Александр бросил на меня взгляд, полный немого укора, и ринулся за ней — утешать.

Я осталась одна на кухне. Руки дрожали, но внутри пело. Я только что обезвредила мину финансового давления. Они рассчитывали, что я сломаюсь. А я поставила условие. Слабая позиция? Возможно. Но это была позиция.

Третья мина была самой опасной — личной. Через пару дней, когда напряжение немного спало, Александр вернулся домой неожиданно рано. И не один. С ним была Людмила Петровна и... незнакомый мужчина лет пятидесяти, в слишком новом спортивном костюме и с кейсом.

— Таня, это дядя Женя, мамин знакомый, — представил Александр, избегая моего взгляда. — Банковский специалист. Он поможет нам оформить те бумаги по кредиту.

Ловушка захлопывалась. Они решили действовать напролом, пока я «не опомнилась».

— Какие бумаги? — спросила я, оставаясь в дверном проёме кухни, блокируя вход в зал.

— Ну, ты же знаешь, на машину, — заговорил Александр быстро, неестественно. — Нужно подать заявку. И... поскольку квартира в залог, требуется согласие всех прописанных. Твоя подпись нужна.

Дядя Женя улыбался маслянистой, профессиональной улыбкой и уже раскрывал кейс с бумагами.

— Всего пару документов, молодой человек всё объяснил. Вы только распишетесь, где галочки.

Людмила Петровна молчала, но её взгляд говорил: «Попробуй отказаться. Попробуй».

Адреналин ударил в голову. Это был шах и мат. Подпись под этим документом могла означать что угодно: и залог единственного жилья, и неподъёмные долги. И сделала бы меня соучастницей.

— Я не буду ничего подписывать, пока не прочту все документы сама и не покажу своему юристу, — сказала я твёрдо, скрестив руки на груди.

Тишина стала абсолютной. Даже дядя Женя перестал улыбаться.

— ТВОЕМУ юристу? — прошипела Людмила Петровна. — Ты что, на нас в суд собралась?

— Я собираюсь защищать свои интересы, — ответила я, глядя прямо на Александра. — Ты говорил: «семья», «общее». Значит, и решения должны быть общими. И понятными. Покажите мне документы, дайте время изучить.

Александр покраснел, потом побелел.

— Таня, не позорь меня перед человеком! Мама всё проверила!

— Тогда пусть мама и подписывает, — парировала я. — Квартира ведь её.

Это был удар наотмашь. Людмила Петровна ахнула. Дядя Женья поспешно начал собирать бумаги.

— Знаете, семейные дела... я, пожалуй, потом. Когда вы... определитесь.

Он буквально выскочил из квартиры. Когда дверь закрылась, взорвалась бомба.

— Вон! — закричала Людмила Петровна, тряся пальцем в мою сторону. — Немедленно вон из моего дома! Я не позволю какой-то выскочке рушить планы моего сына!

— Мама, успокойся, — пробормотал Александр, но в его голосе не было убедительности.

— Молчи! Из-за тебя же всё! Привёл в дом змею на шее! Она теперь юристов на нас наводит! Хочешь, чтобы мы с тобой по судам замаялись?

Я не стала ждать продолжения. Я повернулась, прошла в спальню, захватила ноутбук и сумку с документами. В прихожей они всё ещё кричали друг на друга — она на него, он что-то оправдывался. Я надела куртку, вышла и закрыла дверь, заглушая их голоса.

На улице был пронизывающий весенний ветер. Я шла, не зная куда. В кармане жужжал телефон — Максим. Я сбросила. Он написал смс: «Высылаю правки. Всё в порядке?»

Я остановилась у закрытого киоска, прислонилась лбом к холодному металлу. Дрожала мелкой дрожью. Они выжидали меня. Понимая, что не могут контролировать, они решили сломать. Или вышвырнуть.

Но вышвырнуть — означало развод. А развод без подготовки для меня — крах. У меня не было ни своего угла, ни сбережений, чтобы снять жильё. Мои фриланс-деньги — капля в море. Адвокат говорила: «Нужно время».

Куда идти? К Людке? У неё однокомнатная хрущёвка и вечное недовольство миром. Ненадолго. Я посмотрела на телефон. На смс от Максима.

Я набрала его номер. Он ответил после первого гудка.

— Татьяна? Что случилось?

— Максим... у вас в «Хаб» можно заночевать? — прозвучал мой голос, чужой и надтреснутый.

Короткая пауза.

— Что? Нет, конечно, там охрана ночью всех выгоняет. Где вы? Что произошло?

Я коротко, обрывочно, объяснила. Не про измены, про «конфликт», про то, что мне нужно на пару дней где-то перекантоваться.

— Подождите на месте, — сказал он решительно. — Я за вами заеду. У меня есть свободная комната. Гостевая. Вы можете пожить там, пока не решите, что делать.

— Я не могу вас обременять...

— Вы меня не обременяете. Вы — мой ценный специалист, у которого кризис. Это бизнес-инвестиция в человеческий капитал, — сказал он, и в его голосе прозвучала лёгкая шутка, которая сняла остроту паники. — Дайте адрес.

Через двадцать минут его машина, невзрачный серебри-

стый хетчбэк, остановилась рядом. Я села на пассажирское сиденье, и тепло, исходявшее от печки, обволокло меня, как одеяло. Он не стал расспрашивать. Просто включил лёгкую музыку и повёз через ночной город.

Его квартира оказалась на окраине, в современном, но не пафосном доме. Просторная, светлая, минималистичная. Порядок, но не стерильность. Книги, техника, несколько абстрактных постеров на стенах.

— Ванная там, полотенца чистые в шкафу. В комнате есть Wi-Fi. Чай, кофе — на кухне, помогайте себе. Я работаю обычно допоздна в кабинете, так что не стесняйтесь, — он говорил деловито, снимая с меня напряжение.

Гостевая комната была небольшой, с диваном-кроватью и большим столом у окна. Идеальное убежище.

— Спасибо, — выдохнула я, чувствуя, как слезы подступают к горлу от этой неожиданной доброты и нормальности.

— Ничего, — он улыбнулся. — Главное — не сойти с ума. А для этого иногда нужна тихая гавань. Спокойной ночи, Татьяна.

Он вышел, прикрыв дверь. Я осталась одна в тишине чужой, но безопасной квартиры. Я села на край дивана, обняла себя за плечи. Сегодня я наступила на самые страшные мины: давление на работе, финансовый шантаж, попытку втянуть в сомнительную сделку. И обезвредила их. Ценой — выдворением из собственного дома.

Но я не была на улице. У меня было убежище. И что важ-

нее — у меня была запись сегодняшнего визита «дяди Жени». Мой диктофон работал всё время в кармане. У меня были их голоса, их давление, их попытка заставить меня подписать непонятные бумаги. Это было серьёзное оружие.

Я включила ноутбук, подключилась к Wi-Fi. Первым делом сбросила все свежие записи в облако, в зашифрованную папку. Потом открыла рабочий чат с новым заказчиком. Уведомление: «Предоплата переведена».

Я откинулась на спинку дивана и закрыла глаза. Враг вынудил меня отступить с поля боя. Но отступление не означало поражение. Оно означало перегруппировку. У меня теперь была база в тылу. Союзник. Ресурсы. И железная решимость.

Они думали, что, вышвырнув меня, они победят. Они не понимали, что выпустили джинна из бутылки. Тихая, покорная Татьяна осталась в той квартире, вместе с запахом старого борща и банками солёных огурцов. Отсюда, из этой тихой комнаты, я буду вести свою войну. И у меня уже был план следующего манёвра.

Глава 9. Я растворяюсь в пламени, которое не обжигает

Возвращение в квартиру Максима после моего ультиматума было похоже на переход из бурного, штормового моря в тихую, тёплую лагуну. Тишина здесь была не пустой, а наполненной — лёгким жужжанием компьютера, тиканьем современных часов на стене, моим собственным, наконец-то ровным дыханием.

Я стояла посреди гостевой комнаты, всё ещё ощущая на коже холодный ветер с улицы и адреналиновую дрожь внутри. Я сделала это. Я произнесла слова, которые годами боялась даже подумать. И мир не рухнул. Наоборот, он замер в ожидании.

Раздался лёгкий стук в дверь.

— Можно?

— Да, — мой голос прозвучал немного хрипло.

Максим вошёл, держа в руках две высокие стеклянные колбы с тёмно-янтарной жидкостью.

— Медаль за храбрость, — сказал он, протягивая одну из них. — Виски. Один глоток. Для нервов.

Я взяла колбу. Лёд тихо звенел о стекло. Я никогда не пила виски. Александр и его мать предпочитали коньяк «для пищеварения» по праздникам. Я сделала маленький глоток.

Огненная волна прокатилась по горлу, заставив меня скривиться, но следом пришло глубокое, разливающееся тепло.

— Ну? — спросил он, прислонившись к косяку двери.

— Кажется, я их напугала, — выдохнула я, чувствуя, как алкоголь расслабляет зажатые мышцы спины. — Он был... в ужасе. Особенно когда я упомянула тётю Галю.

Максим усмехнулся.

— Отлично. Значит, попали в болевую точку. Теперь главное — не дрогнуть самим. Они будут пытаться давить, звонить, угрожать.

— Они уже звонят, — кивнула я на телефон, лежащий на столе в беззвучном режиме. Экран периодически загорался. «Мама», «Саша».

— Игнорируйте. Минимум сутки. Дайте им прочувствовать ваше отсутствие. Пусть их страх нарисует картины пострашнее любой вашей угрозы.

Мы молча выпили. Напряжение постепенно спадало, уступая место странной, почти эйфорической усталости. Я чувствовала себя одновременно опустошённой и невероятно живой. Я посмотрела на него. Он наблюдал за мной, и в его глазах не было ни жалости, ни оценки. Было понимание. И ещё что-то... тёплое, притягательное, чего я боялась назвать.

— Спасибо, — сказала я тихо. — За убежище. За совет. За... всё.

— Не за что, — он отпил. — Вы сейчас на передовой. Любому солдату нужен тыл.

«Солдат». Мне нравилось это сравнение. Оно давало силы.

— Я, наверное, вам мешаю, — вдруг осознала я. — Вы же работаете...

— Да, — согласился он. — Но иногда перерыв важнее работы. Особенно когда в твоём доме происходит маленькая революция.

Он поставил колбу на стол и вдруг протянул руку, осторожно смахнув с моего плеча несуществующую пылинку. Его пальцы едва коснулись ткани моего свитера, но прикосновение отозвалось во мне мгновенной, электрической волной. Я замерла.

— Вы всё ещё дрожите, — констатировал он, и его рука не убиралась, лежала теперь на моём плече, тёплая, тяжёлая, реальная.

Я подняла на него глаза. И увидела то, что видела раньше, но не позволяла себе признать: интерес. Желание. И разрешение. Разрешение хотеть. Разрешение быть желанной не как удобная домохозяйка, а как женщина.

Мои пять лет с Александром приучили меня к определённому сценарию. Секс был либо обязанностью, либо его минутной прихотью, быстрым и эгоистичным актом в темноте, после которого я чувствовала себя использованной и одинокой. Это было что-то грязное, постыдное, о чём не говорят.

Но сейчас, под взглядом Максима, всё было иным. Он не торопился. Он ждал. И в этой паузе рождалось нечто новое

— осознание моего собственного тела, моих желаний, которые я так долго замораживала.

Я не сказала «да». Я не сказала ничего. Я просто сделала шаг навстречу. Небольшой, робкий. Наше расстояние сократилось до нуля.

Он принял мой шаг как ответ. Его рука скользнула с плеча на шею, пальцы вплелись в волосы у моего затылка. Его взгляд вопрошал до последнего мгновения. А потом его губы коснулись моих.

Это не был поцелуй, к которому я привыкла. Это было исследование. Медленное, терпеливое, дающее время отозваться. Его губы были тёплыми, чуть шершавыми. Он вкусно пах кофе, виски и чем-то ещё, неуловимо мужским и чистым. Я ответила. Сначала неуверенно, потом — с нарастающей жаждой, о существовании которой даже не подозревала. Внутри что-то раскрылось, как бутон под первым весенним солнцем.

Он оторвался, его дыхание стало чуть чаще. Глаза, тёмные и сосредоточенные, сканировали моё лицо.

— Ты уверена? — прошептал он. Это был первый раз, когда он назвал меня на «ты». И это звучало не как фамильярность, а как доверие.

Вместо ответа я сама потянулась к нему, притягивая его губы к своим. Да. Я была уверена. Я была уверена, как никогда ни в чём за последние годы. Мне нужно было это. Не для мести Александру. Для себя. Чтобы стереть память о чужих,

равнодушных прикосновениях. Чтобы вспомнить, что я — живая.

Поцелуй углубился, стал жарче. Его руки скользнули под мой свитер, ладони, шершавые от работы за компьютером, прикоснулись к оголённой коже спины. Я вздрогнула — не от холода, а от шока узнавания. Это прикосновение было осязаемым, осознанным. Оно было для меня.

Мы двигались к дивану, не отрываясь друг от друга, спотыкаясь о мою сумку. Он помог мне снять свитер, и я не пыталась прикрыться, стыдясь своего тела, как делала бы с Александром. В его взгляде, скользнувшем по моей коже, не было критики. Был голод. И восхищение, от которого мне стало тепло изнутри.

Он снял свою футболку одним движением. Его тело было не таким, как у Александра — не рыхлым от пива и дивана, а подтянутым, жилистым, с шрамами от давно заживших царапин и татуировкой — абстрактным узором на предплечье. Настоящее. Неприкрытое.

Мы опустились на диван, и его вес прижал меня к матрасу. Но это не было давлением. Это было обладанием, в котором было место и для меня. Его поцелуи переместились с губ на шею, на ключицы. Каждое прикосновение его гул и языка было медленным, изобретательным, будто он изучал карту моего тела и находил точки, о существовании которых не знала я сама. Когда его губы закрылись вокруг моего сос-

ка, тихое, глубокое стенание вырвалось из моей груди. Со мной так не делали никогда. Не было цели просто добраться до финиша. Была цель — доставить удовольствие. Мне.

Я вцепилась пальцами в его волосы, в мускулы спины, позволяя ощущениям накрыть себя с головой. Страх, злость, напряжение — всё это растворялось под его ладонями и губами, превращаясь в чистую, животную потребность. Я хрипло прошептала его имя, и он отозвался низким стоном, от которого дрогнуло всё моё нутро.

Он приподнялся, глядя мне в глаза, и его рука скользнула вниз, между моих бёдер, поверх ткани моих джинсов. Давление было точным, неминуемым. Я выгнулась навстречу, уже не думая ни о чём, кроме этой нарастающей волны.

— Максим... — снова простонала я, и это было и мольбой, и поощрением.

Он расстегнул мои джинсы, помог стянуть их, вместе с бельём. Холодок воздуха сменился жаром его кожи, когда он прижался ко мне уже без преград. Его возбуждение, твёрдое и уверенное, упёрлось в моё лоно. Он снова замер, давая мне время привыкнуть, давая мне выбор. В его глазах читалось огромное напряжение, но и бесконечное терпение.

Я обвила его бёдра ногами, втянула его в себя. Медленно, полностью. Он вошёл, заполнив не только тело, но и ту пустоту, что годами точила меня изнутри. Это не было больно. Это было... исцеляюще. Мы замерли на секунду, смотря друг другу в глаза, и в этой тишине родилось что-то большее,

чем просто физический акт. Это было признание. Признание силы, которую он видел во мне. Признание нежности, которую я нашла в нём.

И тогда он начал двигаться. Не спеша, с глубокими, размеренными толчками, которые достигали самой сердцевины меня. Каждое движение было осмысленным, каждое касание — обоюдным. Он не закрывал глаза, глядя на меня, и я не отворачивалась. Я смотрела, как его лицо искажается наслаждением, и чувствовала, как моё собственное отвечает ему. Это была не игра в одни ворота. Это был танец.

Ощущения нарастали, собираясь в тугой, раскалённый клубок где-то в глубине живота. Всё, что я знала раньше, было жалкой пародией. Это было погружение в пламя, которое не обжигало, а очищало. Моё дыхание стало сбивчивым, я уже не могла сдерживать звуки — тихие стоны, его имя, бессвязные слова.

— Расслабься... отдайся... — прошептал он мне в губы, и его ритм стал чуть быстрее, точнее.

И я отдалась. Полностью. Без остатка. Волна накрыла меня с такой силой, что мир на мгновение погас. Я крикнула, вцепившись в него, чувствуя, как всё внутри сжимается и разряжается миллионами искр. Следом за мной наступила его кульминация — глубокий, сдавленный стон, судорожное объятие, и затем — полное, доверчивое расслабление.

Он не откатился сразу. Он остался во мне, тяжелый и горячий, его лицо было прижато к моей шее, дыхание посте-

ленно выравнивалось. Его рука ласково гладила мой бок. Мы лежали так, слившись воедино в тишине комнаты, и постепенно возвращались в реальность.

Когда он наконец приподнялся и лёг рядом, обвив меня рукой, я почувствовала не опустошение, а невероятную наполненность. Моё тело пело. Моё сердце билось ровно и сильно. Я повернулась к нему, и он встретил мой взгляд.

— Вот... — он выдохнул. — Вот что значит быть с кем-то по-настоящему.

Я кивнула, не в силах вымолвить слово. Слезы навернулись на глаза, но это были слёзы не боли, а освобождения. Он стёр их большим пальцем.

— Ничего. Всё в порядке.

Он был прав. Впервые за долгое время всё было более чем в порядке. В моей руинах старой жизни я только что нашла не просто утешение. Я нашла подтверждение. Подтверждение того, что я могу быть желанной. Что я могу чувствовать. Что я достойна нежности и страсти.

Я прижалась к его груди, слушая стук его сердца. Снаружи, в другом мире, звонили мои враги. Там были страх, борьба, неопределённость. Но здесь, в этой комнате, в его объятиях, было только настоящее. И оно было на моей стороне. Огонь, через который я только что прошла, не испепелил меня. Он выковал из меня сталь.

Глава 10. Я меняю мишень

Проснулась я от непривычной тишины. Не от скрипа двери, не от всхлипывания соседского ребёнка за стенкой, не от бурчания Александра во сне. Тишина в квартире Максима была плотной, качественной, как звукоизоляция в дорогой студии. Я лежала на раскладном диване, укрытая чистым, пахнущим свежестью одеялом, и несколько минут просто слушала эту тишину. В ней не было угрозы. В ней был покой.

Я осторожно вышла в коридор. Дверь в кабинет Максима была приоткрыта, оттуда доносился лёгкий стук клавиатуры. На кухонном столе стояла записка на листке из блокнота, придавленная банкой кофе: «Доброе утро. Кофе, хлопья, йогурт — в холодильнике. Чувствуйте себя как дома. М.»

Простота и непринуждённость этих действий сразили меня больше, чем любая пафосная речь. Никаких расспросов, никакого давления, никаких вздохов. Просто пространство и уважение к моим границам. За последние пять лет я почти забыла, как это.

Пока я пила кофе (настоящий, из турки, который я сварила сама), телефон ожил. Не Александр. Людмила Петровна. Я посмотрела на вибрирующий экран, отпила глоток и сбросила. Через минуту пришло сообщение: «Ты где? Возвращайся немедленно! Надо поговорить!» Следом — от Александра: «Таня, давай без истерик. Приезжай, обсудим».

Истерики. Для них любое моё сопротивление, любой отказ подчиняться — истерика. Раньше это задевало. Теперь — лишь подтверждало их беспомощность. Они не знали, как со мной справиться, и пытались вернуть в привычное русло криком и упрёками.

Я не ответила. Вместо этого я открыла ноутбук и погрузилась в работу. У меня был дедлайн по лендингу для нового заказчика, и сейчас, в этой тишине, я работала с ясностью и скоростью, которые были недоступны дома. К полудню я отправила готовый макет и получила восторженный отзыв и оставшуюся часть оплаты. На моём тайном счёте появилась сумма, которой хватило бы на два месяца съёма комнаты в скромном районе. Мысль об этом была сладка, как наркотик.

Дверь в кабинет тихо открылась. Максим вышел, растягивая затекшую шею.

— Работаю, — заметил он, глядя на мой ноутбук. — Не отдыхаете?

— Это и есть лучший отдых, — честно ответила я. — Спасибо ещё раз. За всё.

— Пустяки. Голова прояснилась?

— Как никогда.

Он кивнул, пошёл на кухню сделать себе кофе.

— Если нужно остаться ещё на пару дней — не вопрос. Я почти всё время в работе или в «Хабе», места хватит на всех.

Идея провести здесь ещё день-два была заманчива. Но в ней таилась опасность — привыкнуть. Привыкнуть к без-

опасности, к нормальному обращению. Это могло ослабить мою решимость. Мне нужно было действовать, а не отсиживаться.

— Я, пожалуй, сегодня съезжу, заберу кое-какие вещи, — сказала я. — И... мне нужен ваш совет. Не как работодателя. Как человека, который видит ситуацию со стороны.

Он принес две чашки кофе, сел напротив.

— Говорите.

Я рассказала. Без подробностей про Ольгу, но про финансовый контроль, про давление с кредитом, про их уверенность в своей безнаказанности. Про то, что я не хочу просто сбежать с пустыми руками после всех этих лет.

— Они считают меня слабой. И глупой, — закончила я.

— И я хочу использовать это. Но не знаю как.

Максим долго молчал, крутя пустую чашку в руках.

— Вы хотите справедливости? Или компенсации? — спросил он наконец.

— И того, и другого. Но в первую очередь — гарантий, что они не вышвырнут меня на улицу, пока я не встану на ноги. И... чтобы они поняли. Поняли, что со мной нельзя так.

— Месть, — констатировал он без осуждения.

— Справедливость, — поправила я. — Чтобы весы хоть раз качнулись в мою сторону.

Он откинулся на спинку стула.

— Слабые места есть у всех. У таких людей, как вы описываете, их два. Первое — публичность. Им важно, как они

выглядят в глазах определённого круга. Свекровь, судя по всему, — царица в своём мирке. Сын — её рыцарь без страха и упрёка. Второе — деньги. Их схема с «котлом» — явно серая, если не чёрная. Им не нужны лишние вопросы.

Я слушала, затаив дыхание. Он мыслил категориями, которых у меня не было.

— Вы не можете атаковать открыто, у вас нет ресурсов. Значит, нужно создать ситуацию, где они сами предложат вам то, что вам нужно, лишь бы вы ушли тихо и не раскачивали лодку.

— Как? — прошептала я.

— Нужна угроза. Не истерика, не скандал. Холодная, расчётливая угроза. Чтобы они её почувствовали, но не могли сразу парировать. Чтобы у них было время испугаться и предложить сделку.

Он посмотрел на меня, и в его глазах читалась сложная смесь: уважение, сочувствие и жёсткий, деловой расчёт.

— У вас есть доказательства? Голосовые записи, документы?

— Есть.

— Тогда план такой. Вы возвращаетесь. Не кающаяся, а спокойная. Вы говорите, что устали от лжи и манипуляций. Что вы проконсультировались с юристом (не врете, у вас же он есть) и теперь чётко знаете свои права. Вы не требуете ничего сразу. Вы просто заявляете, что намерены эти права отстаивать. И что у вас есть... материалы, которые могут

сделать процесс очень неприятным и публичным. Для них. Особенно для матери.

Я чувствовала, как по спине пробегают мурашки. Это было страшно. Это была игра в блеф на самом высоком уровне.

— Они не поверят. Они решат, что я блефую.

— Поэтому вы не угрожаете напрямую. Вы намекаете. Вы говорите: «Я не хочу скандала. Я хочу справедливого решения. Но если его не будет, мне придётся использовать все доступные средства, включая те записи, где мама одобряет твои похождения на стороне, Александр». Скажите это абсолютно спокойно. Как констатацию факта. И уйдите в свою комнату. Дальше — работа за них.

Я сидела, переваривая его слова. Это был риск. Гигантский. Если они вызовут блеф... Но с другой стороны, у меня и правда были записи. И юрист. И моральное право на ярость, которую я так долго сдерживала.

— Я попробую, — сказала я.

— И ещё один совет, — добавил он. — Смените мишень. Не Александра. Он — марионетка. Мишень — его мать. Она — режиссёр. Если вы заставите её дрогнуть, он сломается. И помните: вы не просите. Вы информируете о последствиях их выбора.

Взяв с собой только ноутбук и документы, я поехала «домой». Максим отвёз меня до метро. Перед тем как выйти, я повернулась к нему.

— Почему вы мне помогаете?

Он улыбнулся, но в улыбке не было веселья.

— Потому что ненавижу несправедливость. А эти двое — классические буллы, прикрывающиеся семьёй. И потому что вы — боец. Просто забыли об этом на время.

Квартира встретила меня гробовой тишиной и бардаком. Видимо, вчерашний скандал не способствовал уборке. Я прошла в спальню, начала аккуратно складывать в сумку самые необходимые вещи, документы, ноутбук с зарядкой. В этот момент закрипела ключом входная дверь.

Вошел Александр. Увидев меня, он замер на пороге спальни. Лицо его было осунувшимся, испуганным.

— Ты... Ты вернулась.

— Забрать свои вещи, — ответила я, не прекращая сборов.

— Таня, давай поговорим нормально! — в его голосе зазвучала почти мольба. Он подошёл ближе. — Мама... мама не права, конечно. Но ты тоже перегибаешь! Мы же семья!

Я закрыла молнию на сумке и повернулась к нему. Я была спокойна. Ледяной спокойствие, которому научил меня Максим.

— Семья не строится на лжи, Александр. И не на том, что один человек — хозяин, а другой — прислуга. Я поговорила с юристом.

Он побледнел.

— Зачем?!

— Чтобы понять, на что я имею право. После пяти лет

брака. И после того, как вы с мамой пытались втянуть меня в оформление кредита под залог квартиры, которая мне не принадлежит.

— Мы ничего не пытались! — закричал он, но крик был слабым, отчаянным.

— У меня есть запись, — сказала я тихо. — С голосом мамы и того банковского «дяди». И у меня есть другие записи. Где мама объясняет, что мужчина «имеет право» искать утешения на стороне, если дома ему плохо.

Его лицо стало землистым. Он отшатнулся, будто я ударила его.

— Ты... ты что, подслушивала?!

— Я защищалась. И я продолжу защищаться. Я не хочу публичного скандала. Я не хочу, чтобы все ваши родственники и соседи узнали, как всё устроено в вашей «крепкой семье». Но если вы не предложите мне честный, справедливый выход из этой ситуации — с компенсацией за эти годы, с моей долей от накоплений, которые вы так ловко прячете, — то мне придётся идти до конца. В суд. И, возможно, к журналистам, которые любят такие истории. Про маменькиных сынков и их вседозволяющих мам.

Я говорила ровно, без пафоса, глядя ему прямо в глаза. Видела, как в них гаснет последняя искра надежды взять ситуацию под контроль привычными методами. Он был в панике.

— Ты с ума сошла! Мама... мама тебя сожрёт!

— Пусть попробует, — сказала я, поднимая сумку. — Но сначала она объяснит своим подругам, почему её сынок судится с женой из-за того, что мама покрывала его измены. Я думаю, её репутация идеальной матери и хозяйки этого не переживёт.

Я прошла мимо него, вышла в коридор. Он не пытался удерживать.

— Таня, подожди! Что ты хочешь? Конкретно!

Я остановилась у двери, обернулась.

— Я хочу, чтобы ты и твоя мама сели за стол переговоров со мной и моим юристом. И предложили адекватный, юридически оформленный вариант моего ухода из этой семьи. С деньгами. С гарантиями. У вас есть неделя, чтобы подумать. Если через неделю я не получу внятного предложения, я начинаю действовать. Первым делом отправлю кое-какие аудиозаписи вашей тёте Гале. Она, кажется, любит поболтать.

Я вышла, закрыв дверь без хлопка. Тихо, чинно. Спускаясь по лестнице, я слышала, как за дверью что-то с грохотом падает — он, наверное, в ярости швырнул вазу. Но это уже не имело значения.

На улице я сделала глубокий вдох. Воздух был холодным, чистым. Я только что сменила мишень. Я больше не пыталась достучаться до мужа или доказать что-то свекрови. Я объявила им холодную войну. И впервые за всё время они остались по ту сторону баррикады — напуганные, растерянные, с козырями на руках, которые они считали своими, но

которые теперь угрожали обратить против них же.

Я достала телефон. Написала Максиму: «Первая фаза выполнена. Они в панике. Жду ответа». Потом написала Елене Аркадьевне, юристу: «Елена Аркадьевна, похоже, они пойдут на переговоры. Будьте готовы».

Ответ от Максима пришёл почти мгновенно: «Отлично. Возвращайтесь в базу. Нужно обсудить следующий шаг. И... я горжусь вами».

Я смотрела на эти слова, и комок подкатил к горлу. Не от жалости к себе. От чего-то другого. От чувства, что я не одна. Что кто-то — умный, сильный, настоящий — на моей стороне. И что эта битва, наконец, идёт не за выживание, а за победу.

Глава 11. Я становлюсь непогрешимой стеной

Четыре часа после ухода из квартиры. Четыре часа, которые я провела в движении, чтобы не сойти с ума от ожидания. Я блуждала по парку, сидела в тихой библиотеке, пила третий кофе в безликой сети. И всё это время телефон лежал передо мной на столе, как чёрная, молчаливая мина.

В 17:57 он, наконец, взорвался. Не звонок. Смс. От Людмилы Петровны. Без обращения, без подписи. Сухой, как приказ: «Завтра 14:00.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.